

Олег Де-Рибас

ДО И ПОСЛЕ «СТАРОЙ ОДЕССЫ»

**ДВОР
МОЕЙ
ПАМЯТИ**

Одесса-2015

Эта небольшая повесть продолжает серию изданий, объединенных концептуальным названием «До и после «Старой Одессы».

Первый сборник исторических очерков из этого цикла – «Фаворит?» – издан в 2007 году. Книга посвящена, в основном, доодесскому периоду нашего края и города. Она освещает жизнь и деятельность основателя Одессы – адмирала Иосифа Михайловича де-Рибаса.

Данное же повествование относится к относительно недавним, советским временам. Если хотите, оно также имеет некоторое отношение к краеведению, с той лишь разницей, что свидетелем и участником описываемых событий являлся сам автор.

*Моему другу
Юрию Серебряному посвящается*

ДВОР МОЕЙ ПАМЯТИ

(мемуары нестарого одессита)

Мне сорок с изрядным «хвостиком». С одной стороны, мемуары мне писать рано, с другой – лет через пять-десять мемуары все равно будет писать рано, но я, наверняка, забуду то, что еще помню сейчас. Думаю, что именно из-за такого ложного стыда в нашей беллетристике крайне мало воспоминаний о «розовой» поре жизни.

Решено, приступаю, надеюсь, возможно, не столько поведать читателю что-нибудь новое, неизвестное, сколько вспомнить вместе с ним «доброе старое»...

Мое глубокое детство прошло не где-нибудь, а в Одессе. И не просто в Одессе, а в самом ее сердце, на Молдаванке. А если точнее – во Дворе по улице Мизикевича, ныне Степовой под № 29. Именно этим Двором я и намерен ограничить свои воспоминания, почти не буду из него «ходить в школу» и вообще, покидать Двор буду лишь по крайней

необходимости. И еще – напишу только о том, что помню сам, а если где-нибудь случайно сокру, то вы все равно проверить этого не сможете...

ДВОР

Если я сейчас не объясню, как выглядел наш Двор, то потом никто ничего не поймет. Представьте себе замкнутый прямоугольник со сторонами пятнадцать на, скажем, пятьдесят метров, в который ведет десятиметровый проем, «прорубленный» в двухэтажном фасадном флигеле. Проем этот, представлявший собой единственный вход (он же въезд) во Двор, запирался «во времена она» массивными чугунными воротами из двух половинок. Затем, когда некоторые жильцы «закрутели» и во Дворе стали ночевать первые авто, ворота сняли с петель, расширив тем самым проезд, и прислонили к стенкам. В один год, вероятно на металлолом, «ушла» одна половинка ворот, на следующий – другая.

Двор ничем не отличался бы от остальных молдаванских, с их «нахалстройями» незатейливой архитектуры, с лестничками, ведущими к бесчисленным верандам, если бы не Дом. Этот трехэтажный исполин из благородного желтого известняка свысока глядел на обступившие его халупы; он царствовал, он давил всю окружающую застройку вме-

сте с обитателями. И знаете, казалось, что вальяжность Дома в определенной степени передалась его жильцам и поэтому между нашими «дворянами» имело место некоторое расслоение. «Домовые» считались жильцами привилегированными, и в их манере держаться нет-нет, да и проступало эдакое чуть свысока. Не гордясь, скажу сразу: мне посчастливилось проживать именно в Доме, на верхнем этаже средней парадной.

Впрочем, не все жители Дома имели право чувствовать себя «аристократией». Например, мои знакомые, девочки-погодки Оксана и Оля обитали со своей мамой в Доме, но в его подвальной части, то есть на минус первом этаже. Олю и Оксану мы, между собой, называли «дети подземелья». Жилищные условия, видимо, все же накладывают на людей определенный отпечаток. От героев одноименной повести Короленко эти девочки унаследовали какую-то патологическую скованность и, даже, забитость. «Подземная» семья прожила во Дворе около трех лет, затем съехала, хочется верить – в лучшие условия...

А вот страничка из жизни другой семьи. В одной из квартир Дома празднуют день рождения. Я среди приглашенных. Веселая, оживленная именинница, вся в розовом. Уже махнули по единой: взрослые – водку, мы – лимонад. Но веселья нет, все напряжены – ждут маму именинницы.

Мама, известная на всю округу пьяница, женщина «известного» поведения, не живет с дочерью, бросив ее на попечение родни. Она вообще живет неизвестно где. А с кем, мы вскоре узнаем.

В прихожей какая-то возня. Входит мама – «на-веселе», оплывшая, какая-то пыльная что ли. Ее ведет-поддерживает какой-то «дядя». Она: *«Доченька! Это твой «новый папа».* Вот так – ни имени, ни фамилии. «Папа» – франтоватый и наглый жулик, достает из сумки меховые шапку и муфту – подарок, явно ворованный.

А именинница счастлива. Она выбегает в соседнюю комнату, откуда вскоре возвращается в своем убогом пальтишке, но на голове «новая» шапка, руки в муфте.

Мама рвется за стол, тянется к бутылке. Но ее ухажер, чувствуя их неуместность здесь, властно и твердо выводит ее за руку...

Сейчас появилась мода называть многие старые дома «сталинками». К нашему Дому, который был выстроен гораздо ранее начала «красного века», это определение все же подошло бы. Жители его немало претерпели в страшные годы репрессий, а наша семья пострадала более чем. А еще, хоть и не в самом Доме, но стена стеной к нему проживала тетка «великого вождя», по имени Сталина...

Солнечный день. Выходной. На веревках, опутавших Двор подобно паутине гигантского паука,

сушатся немыслимые груды разноцветного и разнокалиберного белья. Впритык к этим «парусам», тринадцатилетние «большие» пацаны на «клаптике» десять на десять гоняют в «футбик», и то белье, что находится ближе, постепенно приобретает асфальтовый цвет. На низеньком длинном столике в дальнем углу «старики» – папины одногодки – «забивают козла», играют в шахматы и даже, зная наших, пишут «пулю».

Я верхом на велосипеде путаюсь среди футболистов, вихрем улетаю от догоняющего мяча, описываю круги вокруг картежников, «козлистов» и шахматистов, ловко огибаю бесчисленные палки-подпорки и от переполняющего дурного веселья ору: *«Е-е-е, гали-гали. Кто-то «свистнул» сандали!»*. Я счастлив и горд. А источником этого блаженства является мой новенький велосипед (между прочим, единственное четырехколесное «чудо» на весь Двор), купленный мне бабушкой на присланные родителями деньги...

Вы спросите: и как это всем отдыхающим хватало места на такой сравнительно небольшой площади? Все объяснялось просто – еще не было палисадников. Исконным «дворянам» – людям совестливым и в массе своей воспитанным, и в голову не приходило отрезать для себя «ломоть» общего Двора. Эти уродливые частнособственнические проявления, которые ныне преподносятся

как одна из определяющих примет «одесского двора», не имели ничего общего со Старой Молдаванкой. Палисадники появились, пожалуй, в конце 60-х годов, вместе с «новыми» одесситами.

К теме многих неприятных перемен мы еще вернемся. На самом же деле весьма характерным для нашего Двора и, как уверен, для многих других было то, что двери квартир не запирались! Разве что, ночью. Но, опять-таки, это касалось только старожилов.

Прямо у дверей нашей дворничихи тети Любы располагалась «колонка». Она представляла некий неглубокий колодец, накрытый толстой чугунной решеткой с мелкими ячейками, из которого торчала изогнутая труба, запираемая краном. К этому «источнику» припадало большинство жителей одноэтажек, не облагороженных подачей воды, а также отдельные жильцы Дома. Дело в том, что живительная влага редко забиралась на третий этаж, и мне часто приходилось простаивать в получасовых очередях, вооружившись двумя «молочными» бидончиками.

Краснолицая дворничиха бдительно следила из-за полупрозрачной занавески за тем, чтобы фрукты и прочая снедь не мылись непосредственно под краном. Но это помогало мало, и в акватории колодца то и дело случались катаклизмы местного значения; в рукотворном «водоеме» промеж потерянной

черешни, обрывков бумаги и папиросных окурков «резвилась» малосольная тюлька. В таких случаях тетя Люба вылетала как «на метле», и «дворяне» очередной раз имели возможность приобщиться к дивному многообразию славянского языка.

И, конечно, повествуя о Дворе, я не могу обойти вниманием еще одну его достопримечательность. А именно ту, якобы отсутствие которой было анонсировано на воротах, а после их пропажи – на стене, в виде надписи *«Туалета нет!»*. Было бы честнее и интереснее, по-моему, написать нечто вроде: *«Туалет есть. Ждем вас!»*. Тогда бы посетители расположенной рядом пивной, чувствуя какой-то подвох, возможно и обошли бы Двор стороной. А так, благодаря прописанной на входе «неправде», мы то и дело были посещаемы типами с сумрачно-озабоченными лицами. Они уверенно шли на надпись, а далее, руководствуясь кто знанием, а кто исключительно обонянием, пробирались к предмету их вожделений.

Между тем, дворовую уборную обнаружить было непросто, поскольку располагалась она почти в «Позакружке».

«ПОЗАКРУЖКА»

Если это название вызывает у вас ассоциацию с кружкой, допустим пивной, то отмахнитесь от этой

химеры. Впрочем, и к слову «поза» данный объект местной географии отношения также не имеет. «Позакружкой» у нас с незапамятных времен называли узкий проход, который пролегал «поза» Домом вдоль сараев, благодаря чему Дом можно было обойти вокруг.

В отличие от вещей «второй необходимости», хранившихся в сараях подвальных, в деревянных боксах с прохудившимися крышами, фактически под открытым небом валялся совсем уж ненужный хлам. Но, кое-что полезное для наших детских забав в них отыскивалось. Например, в разошедшемся сарае сварщика дяди Сени стояли несколько бидонов с карбидом, один из которых был неосмотрительно придвинут к дырявым дверям. Понятное дело, что наши карманы постоянно полнились этим хитрым веществом. После дождя не оставалось ни одной лужи без белого осадка, а Двор пропитывался характерным резким запахом...

Я, конечно, в курсе, кто бросил полбидона карбида в дворовой туалет, но никогда об этом не расскажу. Скандал, помнится, был ужасный, и кто знает, назови я сейчас имя этого пацана, не возгорится ли из новой искры старое пламя? Одно могу заявить категорично – звали «диверсанта» не Олегом.

В то время общественной уборной пользовалась едва ли не половина нашего населения – практически все жители «нахалстроев». И вот пред-

ставьте, «М» или того хуже – «Ж», зайдя по нужде, неожиданно обнаруживает, что из отверстия выползает огромный пузырь, на секунду замирает, наполняясь взрывной мощью и...

Короче, в течение, как минимум, двух недель на входе во Двор могла справедливо красоваться надпись: *«Туалета таки да, считайте, что нет»*. А сегодня, согласно жаргону мобильных операторов, это звучало бы так: *«Туалет временно недоступен»*.

«Позакружка» имела во Дворе статус некой отдельной территории. Мы частенько и без опаски забредали в этот закоулок; в наше достославное время еще не привилась привычка выбрасывать мусор и объедки из окон. Когда мы играли в «Казаки-разбойники», правилами запрещалось забегать за Дом. Найти спрятавшегося в одном из полуразвалившихся сараев «разбойника» было практически невозможно.

Но существовали развлечения, будто специально предназначенные для «Позакружки». Так, например, перед играющим ставилась невинная на вид задача – преодолеть проход от начала до конца, но немаловажная деталь – это требовалось проделать в сумерках. Перед этим «Позакружка» тщательно обрабатывалась и к началу «похода» представляла «военную тропу», опутанную незаметными веревками и усеянную всевозможными ловушками.

Ты бодро выступаешь в путь, но цепляешь ногой невидимую нить и получаешь первую порцию воды из посуды, установленной на краю сарая. Она в буквальном смысле остужает твою голову. А впереди тебя ждет много разнообразных сюрпризов: внезапно открывающиеся навстречу двери, пусть неглубокие, но неприятные провалы, заполненные грязью, слетающие с крыш доски и внезапные пистоновые выстрелы...

Сегодня «Позакружка» уже не может считаться таковой. «Новые украинцы» выкупили прилегающий ко Двору продуктовый магазин и сделали к нему пристройку сзади таким образом, что полностью загородили проход.

ПОДВАЛ

Одним из самых таинственных, мрачноватых, а потому притягательных мест нашего Двора для нас, ребятни, являлся подвал, залегавший в дальнем от входа во Двор углу.

Даже наши старожилы положительно ничего не могли сказать о его происхождении. Согласно легендам, подземная галерея появилась задолго до самого Двора и представляла собой перегороженную некогда часть катакомб, которые, опять-таки по слухам, находятся едва ли не под всей Молдаванкой.

Общая протяженность подвала составляла, думается, около пятидесяти метров. Самыми любопытными его достопримечательностями являлись квадратные лазы со стороной проема в полметра. Их было, как минимум, два. Я застал эти ходы уже заложёнными камнем. Они были замурованы жильцами, после того как в один из них, якобы, залез и не выбрался кто-то из «предыдущих» пацанов.

Мы не слишком-то внимали этим рассказам. Но охотно верили в то, что лазы вели в основной массив катакомб, а уже через них можно было, войдя из нашего Двора, подняться на поверхность где-нибудь в окрестностях Одессы. И эта версия получила некоторое подтверждение. Как-то раз, кажется, в начале 70-х, аккурат напротив Двора в одночасье ухнул в пустоту обширный кусок мостовой. Мы, дети, кружили вокруг провала и, осторожно подбিরаясь к краю, с любопытством заглядывали в яму, к слову, не слишком глубокую. Так вот, в ней четко были видны несколько ходов, и один из них вел в сторону нашего подвала...

Подвал был поделен на деревянные сарайчики-ячейки, принадлежащие жителям. В них хранились, в основном, уголь, дрова, ненужная утварь и «закрутки» (для непонимающих – консервы). Ячейки запирались висячими замками всех систем, хитроумными засовами либо, на худой конец,

закручивались проволокой. Причем отделения эти настолько заполняли пространство, что проход составлял в ширину не более полутора метров.

Здесь же располагался и наш «семейный» сарай. В нем также находилось с полтонны угля, но на полках стояло не менее пяти, помятых и не очень, медных антикварных самоваров. Выезжая со Двора, мы все так и оставили, так сказать на вечное хранение.

Едва ли не половину летнего дня мы проводили в нашем «ужасном» подвале. Чего-чего, а страха в подземелье хватало. «Лампочка Ильича» – светлое воплощение плана всеобщей электрификации страны, так и не решилась войти под мрачные своды. А поскольку вниз вела завернутая лестница из десятка ступенек, то уже в пяти шагах от входа вошедшего окружала крошечная тьма. Вход делил подземелье на две неравные части. Правая, что подлиннее, была освоена нами окончательно и бесповоротно. Зато левый кусок, если сказать по-умному, пользовался дурной славой. Там, конечно, проживало обязательное привидение, обитали и резвились духи повешенных и удушенных.

Как вы уже догадались, наш подвал был царством исключительно «настоящих мужчин». Самые отчаянные девчонки не боялись лишь постоять у входа или засунуть голову в темноту, а если

и делали (в нашем сопровождении) несколько неверных шагов во мрак, то белели так, что сами становились источниками бледного свечения.

Промеж нас считалось дурным тоном брать в подвал «свет». Разве только когда повод был законный (например, тебя посылали за углем), было позволительно спускаться с керосиновой лампой, спичками или оснащенным шикарнейшей новинкой тех лет – ручным фонариком-жужжалкой, конечно, без невиданных тогда батареек. Все остальное время мы обходились без освещения, которое только мешало. Ну, скажите, какая польза от спичек при игре в «Слепого кота»?

Наш «кот» был по-настоящему честным, и взаправду «незрячим». Надобность в сомнительной полупрозрачной повязке на глаза, непременно атрибута популярной игры, здесь однозначно отпадала. Оптимальное количество участников забавы составляло 6-7 человек. Мне доводилось бывать и «котом», и его предполагаемой добычей. «Охота» велась так: враскорячку, широко раскинув руки и максимально раздвинув ноги, ты медленно бредешь вдоль стены. Этот способ предполагает, что в какой-то момент прячущийся будет тобой обязательно задет рукой или ногой, и тем самым автоматически станет вместо тебя «котом». Так вот, ты передвигаешься, чутко слушая темноту и предвкушая поимку. Но метры уходят и, в конце

концов, ты упираешься руками в конец подвала, так никого и не поймав.

Тест на сообразительность: где на узком двадцатипятиметровом отрезке могут «сныкаться» пять человек? Ответ прост – наверху. Подвал, в общем-то, невысок, метра, может быть, два, но если зависнуть под потолком подобно пауку, упираясь руками и ногами в стену и в сарай, то под собой можно пропустить не одного кота, а целый их взвод. Потому-то и идет «слепой», стараясь ступать тихо, улавливая дыхание над головой, и время от времени шарит руками в воздухе. Но вот шаг, еще один; затаившаяся «жертва» внезапно спрыгивает за твоей спиной, и с победным хохотом бежит к выходу. А бывало и так, что кто-то, превосходящий по массе тела, устав висеть, сорвется тебе прямо на голову...

А еще служило подземелье для проверки на «вшивость». Все пацаны Двора проходили здесь испытание, которое, кстати, выдерживал не каждый. Экзамен состоял в том, чтобы дойти до конца подвала, и написать на стене свое имя...

Меня «посвятили в мужчины», кажется, семилетним. Эти минуты помню и по сей день. Вот я едва-едва передвигаюсь во тьме с подрагивающим мелком в руке и отчаянно трушу. Дух перевозжу лишь у «нашего» сарая, который нахожу на ощупь по знакомому замку. Между тем, надо идти; долгое блуждание истолкуют однозначно – слабак!

Мне мерещится холодное, злобное дыхание, в мою сторону тянутся костлявые руки, а проклятый подвал все не заканчивается. Вдруг, в десятке шагов впереди, замечаю мерцающее салатное свечение. Ноги останавливаются вместе с дыханием, но вернуться – означает несмываемый позор. До боли зажмуриваю глаза, и преодолеваю ужас вместе с последними метрами. За долю секунды черкаю «Олег» и уже в полуобороте ухватываю взглядом испугавший меня предмет. На земляном полу лежит небольшой череп!

Ноги обретают крылья. Со всей возможной в темноте скоростью лечу к выходу. Где-то в дороге настигают «загробные» завывания. Но меня не проведешь – звуки доносятся спереди, значит – стараются наши...

В составе «приемной комиссии» четыре человека. Среди них мой троюродный брат Игорь и его улыбка шире, чем у остальных. Вместе с ними возвращаюсь в подвал, но держусь позади. Освещаем мой «автограф». На стене, вместо благородного имени, какая-то несусветная меловая мазня. Смейся, а это значит, что экзамен сдан!

Ах да, череп? Его, небрежно подбрасывая в руке, унес Игорь, который собственно его и подложил. «По-родственному» усложнил задачу. Да и не череп это был вовсе, а просто кусок пористого камня, «фигурно» обточенный и намазанный

Я в объятиях брата Игоря.

вполне доступным и ходовым в те времена фосфором.

ЗЕЛЕНЬ

Ее во Дворе было мало. Двор, помнится, изначально весь был покрыт крупными, полуметровыми, квадратными плитами из крепкого тесаного камня. С годами, там, где плиты ломались, они заменялись асфальтом; ныне он сплошь. То есть и раньше через «каменный ковер» пробивалась редкая былинка. Потом, когда Двор в одночасье начал стремительно «оккупироваться» палисадниками, в них кое-где появились газончики. Некоторые садоводы-любители, вроде Туси, растили в кадках легкомысленные маргаритки и «анютины глазки». Многие палисадники были увиты виноградом, как диким, так и съедобным.

Во дворе росли три дерева.

Акация – высокая и раскидистая, с кострубатым стволом, не могла стать нашим «турником», поскольку была усыпана длиннющими колючками. И все же она не являлась лишним и никудышным элементом дворовой «флоры». Во-первых, при цветении она распространяла густой, упоительный запах, во-вторых – была частично съедобна. Прямо с веток мы срывали молодые соцветия, и подобно пчелам, а скорее трутням, высасывали сладенький

нектар, который собирался в чашечке цветочков.

Второе дерево считалось грушей. То есть растение это почти наверняка таковым и было, поскольку произрастали на нем именно груши. Однако нигде и никогда я не видел таких, высоких и «стреловидных», как пирамидальный тополь. Плодов дерево давало мало, с десятков, мелких и не очень вкусных. Груша росла в маленьком палисаднике дяди Володи, но около забора; так что девять из десяти желтых груш падали к нему, «остальные» – наружу.

К дяде Володе – пьянице-одиночке, мы – дети почти не лазили, разве что за залетевшим мячом. Боялись – не боялись, но уж очень неприветливой была его жалкая хибара в три окна. Окна эти не открывались никогда и были сплошь заклеены даже не пожелтевшими, а уже почерневшими газетами. Дядя Володя жил бобылем; я никогда не видел его трезвым, но и пьяным вдрызг также не припомню. «Профессионально употребляя» в течение многих лет, он как бы заспиртовался. Острое лицо, длинный худой нос; ни дать – ни взять почтальон Печкин из Простоквашино, только опустившийся. Он тихо «сгорел» в своей комнатухе, его нашли спустя несколько дней, благодаря вою принадлежавшей ему собачонки.

К слову, это несчастное, забитое хозяином и заправленное кошками существо, было, пожалуй, един-

ственной собакой во Дворе. Безымянный «двортерьер» неизвестной породы, старик по годам и щенок по образу, псина эта с визгом вылетала из всегда приоткрытой двери и бросалась на всех, кто приближался к забору, и хотя никого так и не укусила, но мы подозревали в ней такую способность.

Теперь вы понимаете, почему груши казались нам невкусными; тем более, что, падая с высоты, они разбивались в кашу.

Абрикос рос напротив квартиры тети Бебы. О, благословенная и многострадальная «абрикоса»! Ты была самым выдающимся деревом из трех дворовых. Мы висли на тебе по пять-семь человек, но я не помню, чтобы сломали хоть одну большую ветку. Абрикосины срывались и поедались зелеными, но, между прочим, ни одного случая дизентерии, которой активно запугивали нас взрослые, так и не произошло.

Вот написал и подумал – «неразумные потомки» предположат, не дай Бог, что в конце 60-х мы голодали. Ничего подобного – просто найти и съесть едва-едва пожелтевшую абрикосу считалось большим шиком.

Мы все завидовали Додику. Как-то ему почти с самой верхушки удалось снять большую, зрелую и уже почти сладкую абрикосу. Он, между прочим, ее есть не стал, а отдал своей «невесте» – Наташе.

Теперь во Дворе деревьев нет...

ЖИВНОСТЬ

Дворовую фауну представляли крысы, кошки, голуби и воробьи. В домах, конечно, водились мыши и тараканы, но в нашей квартире они почему-то не проживали.

Крыс во Дворе было немного; мы – пацаны (не девчонки!) их не боялись, но и не трогали. А крыс почти не было потому, что настоящими хозяевами Двора являлись коты и кошки. У нас они расплодились в огромном количестве – не менее двух десятков «мурлык» разного размера и мастей шатались по парадным, вальяжно нежились на крышах или лениво гоняли голубей. Вместе их можно было увидеть, когда дворничиха тетя Люба выносила на газете головы и кишки от тюльки. На этой почве между хвостатыми происходили недоразумения и ссоры.

Разумеется, не все из них располагали «дворовой пропиской», были и приходящие. Ни один из котов не имел клички, но мы легко отличали своих от чужих. Свои имели некоторые льготы – мы их подкармливали в первую очередь, и они последними становились объектами «охоты». Кошки и коты, вообще, являлись очень важным элементом нашей «боевой подготовки». Но об этом позднее...

Наверное, только одна из многих наших кошек обрела свое прозвище. У нее был странный статус; назовем его «парадным». Кисана, а именно так ее

величали, считалась домашней кошкой Поповых, но обитала она, в основном, на лестнице близ их квартиры. Окрас Кисаны запоминался – вся черная, но с белым пятном на груди, белыми были и лапки. Она бы походила на конференсье во фраке, если бы не «подкачало» правое ухо – оно также было белым. Кисана была очень дикой, и не давалась в руки, пожалуй, даже своим хозяевам; вообще трогать ее было небезопасно. Это серьезное животное занималось, большей частью, воспроизведением потомства. Рожала она с завидной регулярностью, но котят ее сразу топили, изредка оставляя одного для продолжения «популяции».

По несколько раз в день приходилось мне протискиваться мимо Кисаны; она угрожающе шипела, а бабушка потом выговаривала мне за испачканную стеной известкой рубашку. Кошку эту я знал с тех пор, с каких помню и себя. Все десять лет, прожитых мною во Дворе, Кисана, чрезвычайно редко покидавшая свой пост на первой ступеньке, некоторым образом отравляла мое детство. Как-то спустя длительное время после того, как мы съехали со Двора, я вновь зашел в свою бывшую парадную, и, представьте себе, обнаружил Кисану, мирно сидящую на все том же месте. Это меня потрясло; ведь кошке, по моим подсчетам, должно быть не менее двадцати годков! Все объяснялось просто – это была Кисана-вторая или третья – дочь, если не

внучка моей «современницы». Не удивлюсь, если сегодня в Доме по-прежнему живет Кисана, но уже, наверное, седьмая-восьмая.

Вороны, тем более чайки, во Двор (кажется, и в город) в ту пору не залетали, не то, что сейчас. А голубей с воробьями, можно было, конечно, считать лишь условными обитателями Двора. Воробьи – «серая мелочь» вообще в счет не шли, голуби же занимали прочное место в нашем укладе. Мы их ловили...

Есть, по меньшей мере, два способа поймать голубя. Но мы пользовались только вторым. Брали обычную нитку светлого цвета и с ее помощью сооружали петлю – классический силоч. Ловушку раскладывали по земле, прижимали мелкими камушками, внутрь и вне круга насыпали семечки или хлеб. Однако в каждом виде охоты есть свои тонкости. При своей кажущейся неуклюжести и при неважных «летных характеристиках», голубь – птица неглупая, наблюдательная и резвая, когда необходимо...

Голуби сидят под крышей, косятся на наши приготовления и о чем-то «гулюлюкают» между собой – наверное, потешаются над незадачливыми ловчими. Они прекрасно видят, как мы разбрасываем хлеб или бубочки, отматываем метров пятнадцать нитки (которая потому и светлая, чтобы видеть ее издали) и усаживаемся на ящики. «Дичь», ко-

нечно, знает байку о бесплатном сыре, но минут через десять забывает об опасности, слетает вниз и начинает «сужать круги», приближаясь к петле. Все вокруг уже склевано, лапка птицы ступает в «заветный круг» и... Три-четыре глотки орут: «Подсекай!», преждевременный рывок, стая мгновенно взмывает и занимает свои места на «галерке». Теперь «хитрюги» слетят не ранее, чем через полчаса.

Однако после длительной «воздушной рыбалки» наступает, как правило, миг торжества. Крупная птица вроде бы «заарканена», но два-три бешеных взмаха крыльями, и голубь стремглав бросается под спасительную крышу.

Вот, собственно, и все. А представьте себе, что мы на самом деле поймали голубя; куда его девать?

Как-то летом кто-то из голубей имел неосторожность нагадить сверху прямо на подвыпившего Леню, возвращавшегося домой. Он, недолго думая, бросился в парадную, вынес «тирную» пневматическую винтовку и начал палить. На выстрелы и гвалт собралось едва ли не пол-Двора. А надо вам сказать, что три этажа Дома – это пять этажей «хрущевки», а с высоким чердаком – под пятнадцать метров. Так что голубям, разгуливающим по карнизу, эта стрельба нипочем. Это понимают и «зрители»; дети смотрят молча, взрослые бурчат, но тихо – Леня Попов считался одним из самых сильных во Дворе. А он все стреляет, но, учитывая

все сопутствующие нетрезвые обстоятельства, в голубя стрелок попасть не должен. Так и получилось – не получилось. Расстреляв пульки, Леня отправился спать.

Поздней осенью у меня появился еж. Ежа я нашел на мостовой, прямо напротив Двора; его, наверное, ударила проезжавшая машина. Я осторожно закатил зверька в свою шапку и отнес домой. Папа и мама работали тогда на далеком острове Сахалин, а бабушка неожиданно легко согласилась оставить ежа в доме, чтобы подлечился.

Он освоился быстро, днем где-то спал, ночью бодро цокал лапками по деревянному полу. Пил молоко, постоянно расплескивая из блюдца, что-то ел и, кажется, совсем не «пачкал» квартиру. А потом пропал. Мы с бабушкой искали его три дня, и нашли в ящике с одеждой, стоявшем под кроватью. Вытаскивая ежа и разматывая его из кучи тряпок, которые он на себя накрутил, я исколол руки. Зверек пребывал в каком-то экстазе, он растянулся на подстилке и вновь заснул, если вообще просыпался. А спустя час снова исчез. С огромными «трудозатратами» еж был обнаружен за холодильником, где спал около горячего, шумного компрессора; мы не стали его трогать. Бабушка сказала, что он впал в зимнюю спячку. Еж вылез из-за холодильника лишь весной; был он какой-то мятый, в пыли и паутине. Я отнес его в сквер им. Мизикевича.

А следующей зимой мне довелось спасти голубя. Зима, по одесским меркам, была ужасная. В один из дней столбик опустился до минус 26 градусов. Мою школу № 13 закрыли на неделю, но холода не мешали нам, ученикам, «высовывать носы» на улицу.

Этим утром бабушка одела меня «толще», чем обычно, и повязала рот шерстяным шарфом. Экипированный таким образом, я минут десять побродил по пустому Двору, где, понятное дело, не было ничего интересного, и решил «дозором» обойти «Позакружку». И вот, уже на самом выходе, увидел голубя, сидевшего на подоконнике. Подкравшись к нему поближе, я хлопнул в ладоши; птица даже не пошевелилась. Мне не раз доводилось видетьдохлых голубей, но этот не был похож на такого, хотя бы потому, что сидел, а не лежал. Я аккуратно его снял, сунул за пазуху и пошел домой.

«Ну вот, принес мертвого голубя», – сказала бабушка. Но я уже насыпал рис в деревянный ящик из-под посылки и ставил туда птицу. Да, именно так, «ставил», привалив к стенке, поскольку голубь выглядел чучелом, устойчиво закрепленным на тонюсеньких лапках. Минут пятнадцать я ждал его «оживления», потом забыл и заигрался. Вдруг в ящике послышался шорох, затем, сопровождаемый веером из зерен, вырвался голубь, рванул к окну, ударился о стекло и забил крыльями на подокон-

нике. На шум прибежала бабушка. Голубя мы поймали лишь через пять минут; комната была усыпана перьями и пухом. Его сердце билось так, будто стремилось вырваться из груди.

Мы выпустили птицу через форточку в кухне, и она без оглядки ринулась под ближайшую крышу. А чего я собственно ждал, чтобы голубь в благодарность сделал приветственный» круг или махнул «серебряным крылом»?

«ОРУЖИЕ»

Как сделать самострел? Очень просто! Для его изготовления необходимы: дощечка от ящика, бельевой щипчик, три гвоздика. И самое главное, резинка; чтобы было понятней – такая, какая вставляется, например, в мужское белье. Два гвоздя вбиваются в начало дощечки, к ним привязывается резинка определенной длины, щипчик прибивается через пружину по центру дощечки – самострел готов. В резинку закладывается вишневая или черешневая косточка, сухая горошина, резе камушек, все это натягивается, зажимается прищепкой. В зависимости от качества изготовления и от вида «снаряда» дальность самострела составляет от 10 до 20 метров. «Убойная сила» такого оружия неизвестна, но об этом многое могли бы порассказать коты нашего Двора, если бы, конечно, умели говорить.

Казалось бы, сегодня, спустя десятилетия, следовало бы повиниться и попросить прощения у всей той дворовой живности, которой от меня доставалось в разные годы. Пожалуйста, я уже делаю это! И все же полагаю задним числом, что наши коты и кошки были, если не умнее, то мудрее нас. Бывало, что косточка пролетала от кота в считанных сантиметрах, но он оставался на месте, недоуменно поглаживая на своих «гонителей». И лишь получив в «район хвоста», кот медленно трусил в сторону какой-нибудь щели, которых во Дворе было множество. Представляется, что все мы, охотники и преследуемые, участвовали в одной игре, хотя, допускаю, не все игроки получали одинаковое удовольствие.

Увлечение самострелами продолжалось у нас не более двух сезонов; их заменило более современное оружие. В то время начали поступать в продажу пластмассовые пружинные пистолеты. К ним полагались три «стрелы-прилипашки» и крашеная жестянка на стену, имитирующая мишень. Стоило все это «удовольствие», кажется, чуть более рубля.

Стрелять в жестянку я перестал уже через полчаса. Во-первых, стрелы абсолютно не хотели к ней прилипать (резиновые наконечники каждый раз следовало слюнявить, но и это не очень помогало), во-вторых, это было откровенно скучно.

Как вы понимаете, «стрелялки» появились во Дворе сразу и у всех, кому полагалось по возрасту, даже у некоторых девчонок. Задуманные как домашнее, «камерное» оружие, они проводили «на воздухе» ровно столько времени, сколько и мы.

Вообще пистолет, пусть даже детский и пластмассовый, очень непростая штука и вызывает такие же сложные эмоции. Всамделишный, заряженный, он держит палец в постоянном напряжении и просто-таки требует спустить курок. Курки, конечно, нажимались, но коты и голуби могли «отдыхать» – мы палили друг в друга.

Впрочем, эта «эпопея» продлилась недолго. Играя в «войнушку» во Дворе, в парадных, на лестницах и даже в «Позакружке», мы в течение недели растеряли стрелы, а те, которые еще оставались, были уже без резинок. И надо сказать что, будучи «голыми», они лупили будь здоров и при «удачном» выстреле вполне могли оставить маленький синяк. Потому «вооруженные конфликты» потихоньку пошли на убыль, а конец им положил один неприятный случай, главным лицом которого, увы, был я.

Однажды днем, с «пистолетом наголо» я зашел в палисадник к Вере. С Верочкой мы, между прочим, очень дружили. Она была славной и симпатичной. В ее палисаднике обычно бывало многодетно; так и в этот раз Вера с двумя подружками играла в куклы.

«Куклы» были, пожалуй, единственной из игр, которую напрочь не признавали дворовые пацаны. Я начал подтрунивать над «присутствующими», помахивая пистолетом, заряженным стрелой без резинки, но девочки, занятые переодеванием своих пупсиков, не обращали на меня никакого внимания. Лишь Вера укоризненно подняла на меня свои серые глаза. В этот-то момент мой пистолет и выстрелил. Уверен и до сих пор, что выстрел этот состоял на девяносто процентов из случайности, остальные приходились на «специальность». Но, так или иначе, Вера закрыла лицо руками и отчаянно заверещала. На шум выскочил ее отец, дядя Жора...

Дальнейшее помню смутно. Вот я провожаю взглядом пистолет, медленно летящий в сторону крыши. Затем Верин папа, больно сжав руку выше локтя, ведет меня в сторону моей парадной. Но у самого входа я вырываюсь, пулей взлетаю на третий этаж, вбегаю в квартиру, в течение пяти секунд все докладываю бабушке и с животным ужасом жду прихода дяди Жоры. А он все не идет, потому бабушка, трезво представляя степень нанесенного ущерба, без крика устраивает мне предметный допрос с обыском.

А надо вам сказать, что в моих карманах всегда было много разного барахла, и в этот раз среди спичек, кусков проволоки, катушки ниток и семечек обнаружился вдруг ... десятисантиметровый

гвоздь. После этой находки взволновалась и бабушка. Приказав мне сидеть в кресле, она наскоро оделась, и пошла на «переговоры». «Договаривающиеся стороны», конечно, пришли к какому-то компромиссу. Но возвращения бабушки я не дождался. Измотанный и опустошенный, я мгновенно заснул и проспал не менее двух часов...

Пистолет я достал с крыши лишь через два дня, но еще несколько месяцев я исподтишка заглядывал Вере в глаза, особенно в правый, возле зрачка которого долго оставалась красная точка.

ПАРАДНАЯ

Перефразируя известную поговорку, надо понимать, что не парадная красит человека, а наоборот. Так вот, в нашем случае эта мудрость была совершенно неприменима. Облупившаяся краска понизу, обшарпанная известка на стене и по потолку; похоже, что человек не красил наш подъезд со времен сотворения, если не Мира, то Дома.

И лишь «буржуазный пережиток» – массивная железная лестница несколько скрашивала убогость «убранства». Шаги человека, вошедшего в подъезд, отдавались гулким эхом даже на моем третьем этаже, и многих соседей я различал уже по производимому ими шуму. А жильцы, в свою очередь, безусловно, узнавали по походке меня,

поскольку вверх по ступенькам я поднимался исключительно бегом, а вниз спускался длинными и сочными, в смысле звука, прыжками.

Однажды, войдя в парадную, я обнаружил «феномен». До сих пор не ведаю, на каком слоге этого мудреного слова следует ставить ударение. Так что «ударьте» сами, а я расскажу вам про свою находку. Состояла она в том, что на площадке между первым и вторым этажами я увидел пустую винную бутылку, висящую в углу. Именно висящую, поскольку она, непостижимым образом прикрепленная к двум стенкам, «покоилась» в метре над лестницей.

Оказывается, этот нехитрый (когда его объяснишь) фокус выполняется следующим образом. Если бутылку сильно притереть к покрытому масляной краской углу, то она прилипнет надолго. Вечером ёмкость все еще «медитировала», но к утру ее не стало, наверное, все же оторвалась и улетела...

Как мы уже выяснили, «человеки» не красили нашу парадную, зато они ее «делали». Конечно, подъезд имеет, так сказать, и технические характеристики: три этажа, 6 квартир и тому подобное. Но настоящим богатством парадной являлись все-таки жильцы, личности, к слову, весьма колоритные.

На первом этаже, как войдешь – налево, в трехкомнатной квартире жили Поповы, наши родственники. Если перебрать эту семью по старшинст-

ву, то вначале надо назвать деда Ваню, завязтого доминошника, а еще более – рыбака. Дед Ваня самолично плел в своей комнате сети, и в эти минуты становился похожим на старика из «Золотой рыбки», только наш рыбак был не плюгавым мужичонкой, а крупным солидным мужчиной. Его улов, довольно таки приличные караси и «коропчики», постоянно шипели на сковородке, мерзли в холодильнике, а то и плавали в ванне.

Сестру моей бабушки, двоюродную бабу Валю, а «в миру» – Валентину Игнатьевну, я запомнил моложавой, привлекательной и степенной женщиной; дед Ваня, наверняка, был не единственным «уловом» в ее жизни. Валентина Игнатьевна пережила мужа, но к концу жизни ее разбил инсульт, и она несколько повредила умом. Хотя передвигалась она с трудом, но ежедневно выходила во Двор, в вызывающей для своего возраста одежде, нарумяненная, с подведенными глазами и яркими, густо покрашенными губами. У кого-то ее променады вызывали усмешку; я же бабу Валю всегда любил, а после болезни даже уважал именно за ее «несгибаемость».

Сын Поповых, Леня, был одним из лучших друзей моего отца, а также его младшим двоюродным братом. Заводила и «хулиган» в хорошем смысле этого слова, неременный участник всех дворовых и внешних «разборок», здоровяк, кровь с молоком,

Леня преждевременно скончался из-за наиболее массовой болезни, преследовавшей наших мужчин. Увы, в течение не слишком продолжительного времени молоко в его крови было вытеснено фатальным количеством алкоголя. Он, однако, успел жениться и осиротить сына Диму. Его вдова Таня вскоре рассорилась со старшими Поповыми и цельная когда-то жилплощадь стала, по сути, коммунальной.

В квартире проживала также Ира. Валентине Игнатьевне она приходилась родной внучкой, а мне, следовательно, троюродной сестрой. Однажды с ней произошла неприятная история: одним вечером, недалеко от Двора, какие-то подонки сорвали с нее маленькую золотую цепочку. Причем дернули так, что на шее сестры долго оставался красный шрам. А надо вам сказать, что наш 29-й Степовой, кое-что значил в «полу-блатном мире» Молдаванки. Проживавшие в нем дети всегда могли рассчитывать на защиту старших – далеких потомков Мишки Япончика и Бени Крика, унаследовавших от этих «банд-идолов» Одессы определенное благородство и принципы. Мне по малолетству воспользоваться подобным патронатом не довелось, а вот Ире такая помощь оказалась весьма кстати.

Каким способом нашли грабителей и как их уговорили вернуть отнятое, неизвестно, но финал этого инцидента был поучителен и в некоторой степени забавен. Через несколько дней молодой

парень, обладатель «свежепомятого» лица, с тысячекратными извинениями вернул пострадавшей изделие. Когда же мы рассмотрели цепочку, то долго смеялись: ее «слепили» из нескольких разных кусков, и она была втрое длиннее сорванной...

Несколько лет у Поповых жил их внук и также мой троюродный родственник Игорь. Его родители, тетя Жанна и дядя Юра ютились где-то неподалеку на Молдаванке, в каморке, настолько сырой, что были вынуждены временно поселить сына на Степовой. Игорь прекрасно рисовал (подряд – всё и вся, в том числе и меня), чертил и знал, кем будет. Ныне он архитектор.

Однако теннис и шахматы не были его сильным местом. Однажды, в очередной раз, я поставил ему какой-то особенно обидный мат, бурно радовался и куражился над поверженным противником. Неожиданно Игорь рассвирепел и кинулся ко мне. Надо «тикать», но куда? Конечно, домой. Но брат бегал гораздо быстрее меня, он нагнал меня на втором этаже и выдал ногой здоровенный «под...ник». Я с ним не разговаривал целых полтора дня, а в шахматы не играл еще дольше...

На первом же этаже, но в квартире напротив, жила «Баба Яга». Именно так выглядела эта «древняя» женщина и мы, дети, так ее и называли. Очень строгая, чтобы не сказать злая, с худым горбоносым лицом, прямая как метла, которая, ей Богу,

так и просилась в ее руки. По меньшей мере, одна ее нога точно представлялась «костяной», но убедиться в этом не представлялось возможным; ходила старуха всегда в длинном старомодном платье, черном, простого покроя.

Днем она редко покидала квартиру; выходила ли вообще? За все годы, прожитые во Дворе, я встречался с ней в подъезде считанные разы. Кроме всех трех комнат, в которых она проживала одна (а это было само по себе удивительно во времена всеобщей «квартирной кооперации»), ей принадлежал также чулан под первым лестничным пролетом, огромный висячий замок которого одним своим видом отбивал охоту любопытствовать содержимым помещения.

Кем была «Яга» и чем занималась до «октябрьского переворота», во Дворе не помнили, но поговаривали, что она дворянка, из тех самых, настоящих и едва ли не графиня. Сегодня, припоминая смутно ее образ, я, пожалуй, готов с этим согласиться. На какие средства существовала старуха, также было неизвестно. Но в прежние времена эта дама была, несомненно, очень состоятельной. Выяснилось это после того, как она, в положенный срок, оставила этот мир. Когда в ее квартиру вселялись новые жильцы, чулан взломали. В дальнем углу мы обнаружили сундук, полный старыми ассигнациями. Были в нем, кажется, купюры всех царствований,

начиная со времен Екатерины II, но более всего «керенок». Эти деньги около года были в обращении в пределах Двора, являясь предметом наших детских расчетов и обмена, пока не порвались или не затерялись.

Комнаты на втором этаже, над Поповыми, занимали Быстрицкие. Прекрасно помню тетю Риву – даму, крашенную в блондинку, немногословную и добрую. Иногда она зазывала меня, мчавшегося по лестнице, к себе и угощала конфетами.

У нее был сын, по имени Даня, ровесник и друг моего отца. Ранее Быстрицкий был спортсменом, титулованным штангистом. Я, впрочем, запомнил его уже чуть «оплывшим» и, конечно, потерявшим «форму». Однажды в соседнем, 27-м дворе, Даня на спор поднял какую-то особенную тяжесть, которая в его спортивные годы была бы для него игрушкой. Спорщики совместно распили выигранный им «приз» и разбредись. Даня пришел домой, лег на кровать и... умер. Как выяснилось потом, от разрыва сердца.

«Большая тройка» – Леня, Даня и мой отец, была знаменита во Дворе и далеко за его пределами. Все трое рослые, мощные, неотразимые; впоследствии мне довелось собрать о них немало изустных историй, в которых главное место отводилось, все же, «Севке Де-Рибасу». Так, например, он едва ли не первым на Молдаванке решился на пари пройтись,

если не пробежать, по фермам знаменитого Горбатого-Бароновского моста, а это, проверьте, не менее двух десятков метров над железнодорожными путями.

Леня и Даня умерли приблизительно в одно время. Это случилось уже после отъезда отца в Ригу, и я полагаю, что он отбыл весьма своевременно. Отец, может быть, и не слишком дружил с «зеленым змием», но, безусловно, «мог», что несколько раз успешно доказывал еще на моей – детской памяти.

Третий, последний этаж, «абонировали» Смирновы, мы – Де-Рибасы и наши «вселенцы».

КВАРТИРА

Мою бабушку во Дворе звали тетей Мусей, а по паспорту была она Марией Игнатьевной. О ее родителях, носивших фамилию Гончар, я, к сожалению, не знаю почти ничего, а спросить некого – бабушки давно уже нет. Кажется, что Гончар-отец был железнодорожником и работал на станции «Одесса-Товарная», находящейся неподалеку, в конце Степовой. Представляется, что семья была, по меньшей мере, зажиточной; об этом свидетельствует сам факт их проживания в таком элитном, как для Молдаванки, Доме, некогда принадлежавшем путейцам. Здесь Гончары располагали

шикарной трехкомнатной квартирой на верхнем этаже под номером 22.

В середине 30-х годов бабушка познакомилась с моим дедом, Даниилом Александровичем, профессором химии, сыном известного одесского писателя Александра Де-Рибаса, автора культовой для настоящего одессита книги «Старая Одесса». Они поженились, но семейным счастьем наслаждались недолго. Год спустя Даниила Де-Рибаса арестовали в этой же самой квартире и через несколько месяцев расстреляли в одесской тюрьме...

Как было заведено в ту пору, репрессировали не только деда Даню; вся семья «врага народа» также была наказана. Бабушку, ее мать и моего пятилетнего отца уплотнили, отобрав две комнаты из трех; благо, что вообще не выбросили на улицу. В реквизированную жилплощадь вселились муж с женой, носящие фамилию Б. Вероятно эти Б., в отличие от деда – «предателя Родины», имели какие-нибудь особые заслуги перед все той же Родиной, а может и перед партией.

В 1956 году Даниила Александровича Де-Рибаса реабилитировали и моим, с большим скандалом, удалось в буквальном смысле отбить для себя еще одну комнату.

Я смутно помню нашего соседа по коммуналке. Кажется, был он плотным мужчиной лет пятидесяти, с тонкими усиками на вечно несвежем лице. Со-

сед любил выпить. Его супруга не только не отставала, но даже порою «обгоняла» его в этом. Мы не здоровались друг с другом и, более того, старались не встречаться в общих помещениях – прихожей, кухне и туалете.

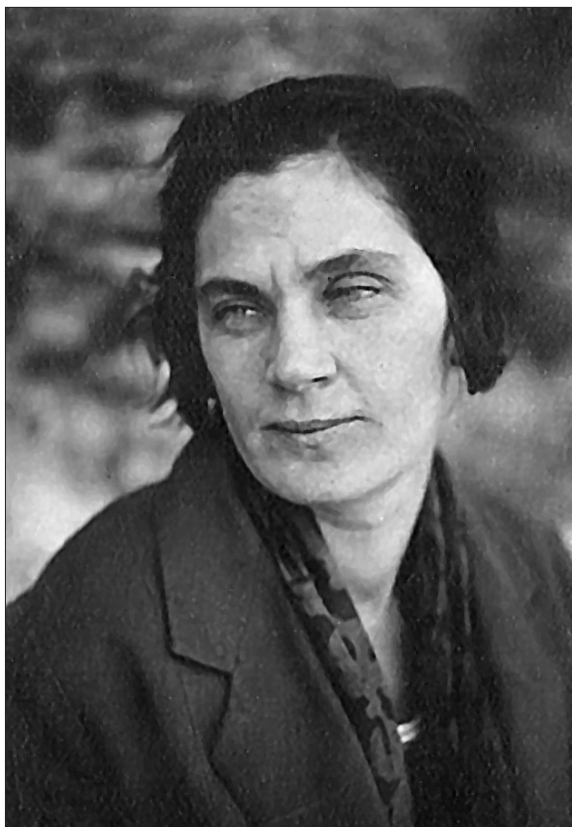
Но исключить «общение» полностью не удавалось, и когда таковое происходило, то носило скандальный характер. Если в квартире стоит крик, значит бабушка (вариант – мама) беседует на кухне со «смежниками». Доходило и до драк, но в этом случае семьи представляли мужчины, то есть сосед и отец. Однажды у нас побывала даже милиция, поскольку в результате очередной свары отец получил удар вилкой, как бы сказать точнее, в верхнюю часть бедра.

Такие «добрососедские» отношения продолжались длительное время. Однако стороны, подуставшие в этой многолетней войне, пришли, в конце концов, к консенсусу. Супругам Б. отошли прихожая и туалет, а нам – достаточно просторная кухня. Для того чтобы заполучить отдельный вход, пришлось соорудить в парадной дополнительную сварную площадку, и прорубить проем в стене. Так в Доме появился третий с половиной ярус.

Это было сделано в складчину с соседом по этажу, орденоносцем Смирновым, который, по-видимому, также «дружил» со своими «одноквартирниками». Смирнов запомнился мне своими разными

Мой дед – Даниил Де-Рибас.

Моя бабушка – Мария Де-Рибас.

глазами. Один глаз у него был карий – живой, серьезный со смешинкой, а второй – голубой, крупный и «мертвый», взамен потерянного на войне.

После дележа наша квартира приобрела оригинальный вид. Войдя в нее через кухню, приходилось спускаться по трем ступенькам, а в противоположном углу «красовалась» свежее испеченная фанерная кабинка с окошком – уборная. Впрочем, и по сегодняшний день подобная планировка не является чем-то особенным для старых районов.

Достоинства «не коммунального» туалета я оценил сразу, «выцарапать» меня оттуда было весьма сложно. Долгие минуты, проведенные в «кабинете» я посвящал чтению; эта привычка, пришедшая из детства, до сих пор доставляет определенные неудобства моим домашним.

Довершала кухонный антураж печка из кирпича, накрытая толстым листом железа. Она была на три «конфорки», которые представляли собой, если кто помнит, набор чугунных кругов разного диаметра. На них ставились кастрюли, сковородки и нагревались открытым огнем. Топилась печь углем и дровами; как-то отец, заготавливая поленья, отрубил себе фалангу пальца левой руки. А газ в доме появился, кажется, лишь в середине семидесятых.

Если я ел в одиночестве, то бабушка накрывала мне на стол в кухне. В течение всех детских лет мой

завтрак состоял исключительно из двух яиц, ломтя хлеба с маслом и большой чашки кофе с молоком. Яйца должны были быть сварены в «мешочек» (четыре минуты после закипания); если они получались «некондиционными», я заставлял бабушку варить другие. Трудно сказать, почему мое утреннее меню сложилось именно из таких блюд. Представляется, что процесс приема пищи перестал с годами быть просто завтраком и превратился в некий ритуал, соблюдавшийся неукоснительно.

Так что автор этих строк есть ценный для науки экземпляр, нечто вроде подопытного кролика, который на протяжении не менее десяти лет подряд съедал в день по два яйца. А если еще учесть, что я в детстве, с тех пор как себя помню, никогда не употреблял воду, ни кипяченую, ни, тем более, сырую, а только слабенький чай (я мог прервать игру и побежать домой на третий этаж попить), то, по совокупности, являюсь находкой для врача-диетолога.

Следует, впрочем, сказать, что подобная «чайно-кофейно-яичная» диета не отразилась видимым образом на моих умственных и других способностях. С другой стороны и каких-либо патологий я у себя не наблюдаю...

В гостиной у нас стоял огромный круглый стол. В старых семьях с традициями (а мы, надо понимать, относились к таковым) было не принято кушать на кухне. Потому общие обеды и ужины мы проводили

именно за этим «столом-ветераном», работы итальянского мастера, о чем свидетельствовала медная «фирменная» табличка с позабытой мной фамилией. Помимо своего главного предназначения стол выполнял еще и функцию «убежища».

Я очень не любил оставаться дома один. Но когда бабушка все же покидала меня ненадолго, то возвратившись, обнаруживала меня под круглой крышкой в окружении четырех «ножек-охранников». Вообще, я подозреваю, что человеку страшно быть в пустой квартире в любом возрасте. Только, с годами, поглощенные разными мыслями и заботами, мы как-то забываем об этой фобии.

Под стать столу был старинный, очень богатый ореховый буфет. Нижняя тумба была покрыта огромным листом цельного серо-белого мрамора, а верхнюю часть, украшенную замысловатой резьбой со сценами охоты, поддерживали два деревянных же льва (в их открытых пастях я прятал мелочь и конфеты).

Этот патриарх нашей мебелировки заслуживает, безусловно, отдельного рассказа. В его тумбе было два очень больших выдвижных ящика. Припоминается, бабушка рассказывала мне, что когда-то они оба были заполнены различными старыми бумагами, принадлежавшими деду. Буквально сразу после ареста Даниила Александровича она, наученная соседями, сожгла в печке много докумен-

тов и фотографий, которые, по ее мнению, могли повредить мужу. Впрочем, с обыском к нам, кажется, так никто и не пришел.

Оставшиеся бумаги поместились в один ящик. Время от времени бабушка перетряхивала его содержимое, показывала фотографии своих родителей и сына от первого брака – «Орика». Орест, старший брат моего отца, утонул в 1941 году вместе с экипажем крупного транспортного судна, торпедированного немцами в виду, если не ошибаюсь, Очакова.

Несмотря на разор, устроенный бабушкой в 37-м, у нее оставалось немало бумаг покойного супруга. Дед, достаточно крупный ученый (имя Д.А.Де-Рибаса можно обнаружить в «Химической энциклопедии»), занимался, кажется, процессами производства искусственной лимонной кислоты, о чем свидетельствовали несколько патентов на изобретение.

Были в ящике рукописи и постарше, желтые и ломкие. Я не интересовался их содержанием, текст был не слишком читабельным, меня отпугивали многочисленные яти. Впоследствии, в суматохе переезда на новую квартиру, нами было забыто много не казавшихся ценными предметов и документов. Эту потерю я по-настоящему ощутил гораздо позже. Однако к самому буфету судьба оказалась благосклонной. Так получилось, что некоторое

время он верой и правдой служил моему сыну от первого брака – Кириллу. Но затем, реликвия, пережившая не одно поколение де-Рибасов, благополучно вернулась в мое распоряжение. Сегодня исторический буфет украшает гостиную нашей квартиры на ул. Скворцова, и радуется взор супруги Светланы, дочери Анастасии и, конечно же, вашего покорного слуги.

Следует сказать, что мои родители не похвально своей принадлежностью к де-Рибасам, но бабушка в разговоре с соседями и со мной изредка поминала об этом, зачастую, кажется, всуе. Для меня же моя фамилия долгое время оставалась пустым звуком. Представляется, что бабушка, пожалуй, навсегда испуганная известными событиями, избегала разговоров на эту тему. И более того, она, надписывая мой дневник и тетрадки (а это делалось ею вплоть до четвертого класса), изображала нашу фамилию в одно слово – «Дерибас». Ей казалось, что такая нехитрая «маскировка» может уберечь меня от многих проблем...

С удовольствием возвращаюсь мыслями в квартиру моего детства. Довершали обстановку комнаты ящик-часы с арабским циферблатом, в которых каждые полчаса оживали молодцы-кузнецы, оглашавшие квартиру мелодичным звоном, голубая фаянсовая люстра на наборной медной подвеске и неприлично огромная, как мне казалось, железная

кровать. Хорошо подпрыгнув на ее пружинной сетке, можно было достать рукой до очень высокого потолка, что и проделывалось мной неоднократно, пока однажды я не приземлился «мягким местом» на твердую спинку.

Эта проходная комната вела в «детскую», которую таковой можно было назвать с натяжкой, поскольку я делил ее с бабушкой. Кажется, однако, что я жил попеременно и там, и сям. Ведь одно время в квартире проживали как бы две семьи: молодая – папа с мамой и наша с бабушкой – смешанная. Проблема смежных комнат является, безусловно, «проходной», но непреходящей. Вероятно, мои родители никак не могли ее разрешить, поскольку так и не сумели сделать окончательный выбор – мы неоднократно менялись комнатами.

В детской висела большая картина в широкой золоченой раме. На ней художник изобразил изящную молодую женщину, сидящую в кресле, в ажурной шляпке и в мехах. Бабушка называла эту даму «Мара». Помнится, меня очень удивляло это странное имя. Теперь я знаю, что Мария Александровна Де-Рибас была известной оперной артисткой, с успехом выступавшей в Одессе и за рубежом в начале прошлого века. Сценическим псевдонимом она избрала себе «Мару».

Второй картиной, памятной мне, был портрет Иисуса. Не икона, а скорее именно портрет. Бог

выглядел неканоническим – простоволосым и без нимба, задумчивым и несколько рассеянным, даже, пожалуй, неживым. Именно эта неуловимая глубина во взгляде его темных глаз, которые как бы просвечивались через закрытые веки, приковывала мое внимание; бывало, мы смотрели друг на друга если не часами, то долгими минутами.

В детстве мои отношения с Богом складывались непросто. Бабушка окрестила меня тайком (мне удалось сохранить белый пластмассовый крестик) в отсутствие родителей, которые были на Сахалине. Не думаю, чтобы папа и мама были бы категорически против, просто посещение церкви, а тем более исполнение обрядов, тогда не приветствовалось.

Я запомнил бабушку очень набожной, хотя злые языки во Дворе говорили мне после, что такой она была не всегда, и намекали на некие моменты из ее прошлого. Оглядываясь назад, я готов признать, что в ней имелась какая-то загадка, и не одна. Но в последний период своей жизни бабушка регулярно посещала Успенскую церковь, что на Преображенской, хоть посты мы, кажется, и не соблюдали. Меня бы вовсе не касались ее еженедельные походы, если бы они не требовали моего сопровождения.

Свои первые визиты в храм я не помню; думаю, что вначале было интересно. Но в двенадцать лет, изрядно одуревший от запаха ладана, полумрака и

многолюдства служб, я категорически заявил, что ноги моей в церкви больше не будет. Бабушка отступилась. В следующий раз я вошел в храм только много лет спустя.

Вопрос же о существовании Бога для меня, вначале октябренка, а затем и пионера, никогда не стоял. В различных жизненных ситуациях, в том числе имевших место и в моем детстве, мне не раз и не два приходилось убеждаться, что Бог в этом мире все-таки есть...

ЕДА

В предыдущей главе уже были описаны некоторые особенности моего питания. Но с твердой уверенностью, что рацион ребенка 60-х годов несомненно будет крайне любопытен потомкам (которые, скорее всего не застанут многие деликатесы), продолжу знакомить читателя сегодняшнего с некоторыми своими прошлыми гастрономическими пристрастиями.

А если еще учесть, что в своем «детском питании» я почитал себя (и почитаю до сих пор) великим оригиналом, то давайте «сверим часы» и увидим, действительно ли я являлся таковым? В самом же худшем случае, не достигнув ни одной из намеченных целей, буду удовлетворен хотя бы тем, что благодаря перечислению некоторых еденных мною

блюд, напомню вам подзабытый «вкус детства».

Итак. Предварю свой рассказ тем фактом, что питалась наша семья исключительно с базара. Сначала с «Алексеевского», затем, после его ликвидации, с «Привоза». Мы с бабушкой «делали базар» только вместе и советовались почти перед каждой покупкой. Возвращались усталые, оглушенные и «затолканные», но довольные собой и раскладывали «здобыч» на кухонном столе.

Вся провизия состояла из трех видов – из овощей, мяса и брынзы. Любопытно, что овощами бабушка называла не только лук и картошку, буряк и помидоры, но и петрушку, и укроп, а также все виды фруктов и ягод. Понятие «мясо» включало в себя непосредственно свинину и говядину, но кроме нее и рыбу, и частую курочку. Ну а брынза – она и есть брынза.

Я намеренно ухожу от вопроса стоимости этого «продуктового набора», потому что не хочу омрачать повествование неуместными сравнениями...

Бабушка готовила изумительно. Вероятно именно этим умением, а также огромной «скорострельностью» на пишущей машинке, она, простая женщина без особенного образования, и подкупила моего деда-профессора, будучи поначалу его секретаршей.

Среди ее фирменных блюд значились: в первую голову «красный» борщ, потом фаршированная рыба и курица, бефстроганов, котлеты, овощные

соусы, салат из огурцов и помидоров (в который, упаси Бог, лить рафинированное масло – только то, которое «у баб») и тому бесподобное.

В электрической духовке, напоминавшей саквояж по форме и благодаря ручке сверху, бабушка пекла замечательно вкусные «паски» к праздникам и пирожки, а за ее рецептом торта «День и ночь» безрезультатно охотились многие хозяйки нашего Двора.

Одним из блюд, ориентированных исключительно на меня, была манная каша, но не сладкая, на молоке, а соленая – на курином бульоне. Эта каша, с мелко посеченным мясом от крылышка, являлась, видимо, неким паллиативом между рациональным питанием ребенка и моим отвращением к молоку. Настоящей же вкуснятиной я полагал соленые бочковые огурцы, щедро сдобренные все тем же, натуральным подсолнечным маслом. Мои смеялись над этими пристрастиями, но втайне, возможно, радовались – дешево ведь и сердито.

В пятидесяти шагах от ворот Двора одна и та же старушка торговала жареными семечками, десять копеек за огромный стакан, а в магазин я бегал за «Кукурузными хлопьями», кажется пяти- или семикопеечными.

Из-за этих замечательных, медленно тающих во рту и быстро из коробочки, хлопьев и случился мой первый с бабушкой серьезный конфликт.

Опасаясь, что современный продвинутый психолог сделает на базе моего признания далеко идущие – из детства в современность, выводы, все же должен кое в чем сознаться. Необходимые для покупки хлопьев средства частенько тайком добывались из бабушкиного кошелька, что и было обнаружено после нескольких заимствований. В дальнейшей жизни было еще несколько стыдных и неприятных моментов, но это тягостное объяснение было первым, а потому самым запомнившимся.

Еще одним «сладким грехом» моей молодости были не тривиальное варенье и банальные конфеты, а сок! Сок манго! Пусть и в непрезентабельной литровой жестяной банке, импортный, с непонятными иероглифами на этикетке. (Вот написал и самому смешно, а каким мог быть сок манго, если не импортным?). Раз в неделю меня посещала мамина мама, моя бабушка Аня. Именно она-то и приносила, обычно, этот самый, диковинно вкусный, трехрублевый напиток, который, как я ни старался, не задерживался в емкости более трех часов – по рублю в час.

Но однажды меня постигло ужасное огорчение – в заветной банке оказался знакомый мне сок, но с ярко выраженным привкусом тертой морковки. После этого случая пристрастие постепенно сошло на нет. А сегодня я, грешным делом, подумываю: не было ли это «диверсией», заговором одной или

Я с бабушками – Марией и Анной.

обеих бабушек, с целью предотвращения крупных трат?

Из шоколадных и сосательных конфет я предпочитал последние. В детстве мною было слизано и сосано несметное количество рыбок на круглых палочках, дюшесок и барбарисок. Любил я также мармелад – лимонные и апельсиновые дольки, доводилось мне есть и элитарную «Клюкву в сахаре». Я с удовольствием «скручивал голову» десяткам «Олегам Поповым» – было такое даже в пластмассовой упаковке в виде клоуна.

Однажды (кажется, в 70-м году) мою маму в виде поощрения отправили в турпоездку по странам. Уж не знаю, по каким государствам пролегал ее маршрут, но одним из его главных (как по мне) итогов, стало обретение мною бесценного богатства. Оно было высыпано передо мною на стол в виде десятка упаковок жвачки. «Жуйка» была в пластинках, брикетиках и... Нет! Жуткое разочарование! В пачках, похожих на сигаретные, к моему и, наверное, маминому огорчению обнаружились не жвачки-сигаретины, а просто конфеты-палочки.

Жвачку и конфеты я поначалу разложил на три почти равные кучки. Почему на три? А потому, что в Доме проживали друзья-родственники – Ира и Игорь. А почти одинаковыми горсти были оттого, что в моей лежало чуточку больше. Своей радостью и жвачкой я решил поделиться в тот же день.

Но из под стола на колени уже запрыгнула «жаба» и, освоившись, начала «давить». К Поповым я не пошел ни в этот, ни в следующий день. Кончился же «справедливый дележ» тем, что сестре и брату досталось по пластинке жвачки...

Когда я, подобно компьютеру, вызываю из памяти набор ключевых слов «отец и еда», в голове всплывают несколько незабвенных воспоминаний.

Вот одно из них. Если мне хотелось чего-нибудь вкусненького, но оно было недоступно по финансовым причинам, отец с ехидцей спрашивал: *«А марципанов в томатном соусе не хочешь?»*. Я сконфуженно замолкал, меня смущало и даже пугало это странное слово – настолько, что я даже не мог заставить себя спросить, что же собой представляет этот страшный «Марципан».

Так продолжалось довольно долго; до тех пор, пока мать не принесла домой две небольшие белые фигурки – слоника и мишку. *«Это марципан, – сказала мама, – кусай»*. После долгих и мучительных размышлений я храбро отхватил хобот. *«И это марципан? Какое-то сладкое мыло! И, кстати, где же томатный соус?»*.

А этот эпизод еще более ранний. Он относится к студенческой, «нищей» поре моих родителей, да и всей нашей семьи. Однажды отец принес средней величины гранат. Это было мое первое знакомст-

во с этим экзотическим фруктом. Гранат разломали на несколько частей, я придвинул их к себе и начал бодро «клевать» красные зернышки. И тут, в момент насыщения, отец протянул руку и взял небольшой кусочек. Я, обуянный неожиданным приступом жадности, насупился и пробормотал: «Отдай». Отец был неприятно удивлен. В виде наказания он потребовал съесть гранат сейчас же и целиком.

Вначале я в душе подсмеивался над «глупым» родителем. И действительно, через четверть часа на столе валялись шкурки и груды косточек, но!.. В язык, небо и губы впились миллионы гранатовых иголочек, мой рот «горел» алым пламенем. И если такими путями приходит опыт, то этот его элемент стал для меня не столько горьким, сколько кислым.

Когда мне было, кажется, около десяти, отец отправился в Ригу; как меня уверяли, в «длительную командировку». Однако каждый год, а иногда и чаще, он приезжал в Одессу на два-три дня. Мать на это время куда-то исчезала из дома, что меня сильно озадачивало. Но мы, я и бабушка, были очень ему рады.

Накануне бабушка посылала меня в магазин за бутылкой «Алиготе» и много кашеварила. Отец появлялся на пороге, большой, сильный, веселый, с раздутым портфелем в руке, в который я и «нырял», сразу после объятий и поцелуев. Я знал, что и

в этот раз достану из него глиняную бутылку «Рижского бальзама» (как по мне, даром потраченные деньги), пару жестяных коробок с ирисками «Птичье молоко» (ну, если папа считает, что это вкусно), несколько упаковок плавленого сыра «Дзинтарс» (съест бабушка) и... две-три палки «медвежьей», как уверял отец, колбасы!

Это восхитительное сырокопченое изделие истреблялось мною в течение весьма непродолжительного времени, хотя бабушка и старалась нарезать ломтики толщиной с папиросную бумагу. Вначале я выгрызал кусочки душистого сала, а затем разжевывал и рассасывал самоё мясо.

Я не знаю, делают ли колбасу из медведей и сколько особей этого вида обитают ныне в Латвии, но эта колбаса навсегда останется для меня «медвежьей»...

ИГРЫ

Можно сказать, что игрушек, как таковых, у меня не было. Наверное, это было связано с тем, что в ту пору хорошие игрушки редко «посещали» детские магазины и, вероятно, недешево стоили. Кроме того, они не относились к предметам первой необходимости. Поэтому играл я, в основном, костяшками от двух партий домино и шахматными фигурками.

Две рати, доминошные и шахматные, выстраивались на ковре друг против друга и вступали в кровопролитные битвы. Шахматным войском руководили, как водится, король и ферзь; у противника в военачальниках и высшем офицерстве состояли косяшки с большим количеством «дырочек». Воины атаковали, отступали, попадали в плен в результате хитроумных ловушек или «уничтожались». Мне тяжело было оставаться беспристрастным в этих сражениях; шахматы побеждали чаще. Пешки-воины поражали неприятеля, кони растаптывали целые колонны, а уж ферзь и вовсе рассеивал боевые порядки враждебной рати.

Когда коленки становились красными от беспрерывного ползания по ковру, я принимался за «Кота в сапогах». Этот кот, высотой с метр, был моей единственной всамделишной игрушкой, а кроме того, в зависимости от обстоятельств, другом, но чаще спарринг-партнером. Он проживал в квартире еще до моего рождения и прилично сохранился в течение десяти лет, учитывая мое с ним обращение. Из сапог я «вытряхнул» его уже в первые годы, вскоре кот потерял и бархатный берет. Однако, свою главную принадлежность – хвост, пусть неоднократно отрываемый и пришиваемый, он все же сохранил. Я боролся с хвостатым, катая его по всей квартире, мутузил, швырял, лупил от всей души, выбивая из него пыль и опилки. Нако-

нец, годам к восьми, когда наши весовые категории стали несопоставимы, котище нашел более чем заслуженный отдых за старинным ореховым креслом.

Я занимался легкой атлетикой в ДЮСШ на Михайловской и посещал шахматно-шашечную секцию в клубе им. Иванова. Однако родители, чтобы, вероятно, еще более ограничить «дурное влияние улицы» и продолжить традиции нашей, в общем-то музыкальной в предках семьи, решили отдать меня «на скрипку». Тем более что на Молдаванке было очень модным обучать своих детей тренькать, пиликать, или, на худой конец, бренчать.

Эта фаза моей жизни открылась приобретением скрипки «четвертинки», штуки очень дорогой по тем временам. Так в моем расписании появились пиковые дни. Например, во вторник, вернувшись из школы-восьмилетки, я, наскоро «перехватив», бежал в школу музыкальную. Затем футляр с инструментом в моих руках сменялся торбочкой со спортивной формой. Отбегав и отпрыгав полтора часа в зале, я очень неспешно плелся домой, поскольку меня там заждалось домашнее задание. А следующие после учебников и тетрадей тридцать минут вновь посвящались скрипке.

Подобно одному из героев тележурнала «Ерлаш», кося одним глазом в окно, а вторым на часы, я с известным отвращением «выпиливал» про-

стенные гаммы. Венчал же мои индивидуальные занятия некий «шедевральный» этюд, наигрывая который я для такта бормотал в нос:

«У реки, у реки расцветают флаги.

У реки, у реки, пионерский лагерь.

Это очень хорошо – пионерский лагерь!..»

А в субботу «музыка» заменялась шахматами.

Как это ни удивительно, по признанию педагогов, а тем более родных, «скрипел» я неплохо. Не хвалясь, скажу: в детстве мне все давалось легко, с годами, однако, мое лихое скольжение по жизненному пути существенно замедлилось.

К концу года мой «скрипичный» аттестат пестрел пятерками, кроме сольфеджио, по которому у меня значилась твердая тройка. На экзамене я уверенно отыграл композицию «Петя, Петя, петушок», перешел во второй класс и, несмотря на увещевания и даже «угрозы», категорически отказался от наверняка ожидавшей меня блестящей карьеры музыканта. Скрипка в чехле еще долго лежала на шкафу, а затем ее продали следующему «вундеркинду»...

И все же большую часть своей детской жизни, за исключением, конечно же, сна, я провел на нашем «игродроме», каковым являлся Двор. Здесь мы наравне со взрослыми сражались в шахматы и шашки, а также рубились в «Чапаева», «дулись» в «Дурака» и «Пьяницу».

Однако предпочтение отдавалось играм под-

Скрипка и я.

вижным. С «садистской» считалки «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...» начинались многочасовые «Палочка-выручалочка», «Казак-разбойники», «Пекарь», «Выбивала» и «Нас 13-42, чью душу желаете», а также более мирные: «Море волнуется раз...», «Курочки», «Колечко», «Роза-садовник».

Былые участники этих игр, конечно, знают, о чем я говорю, и дополнят этот ряд; те же кто не застал данные забавы, вряд ли поймут их азартную притягательность и прелесть. На мой «трезвый и взрослый» взгляд ценность этих игр заключалась, прежде всего, в воспитании коллективизма, чувства плеча или локтя, которые были особенно необходимы, например, в «Нас 13-42».

Когда мы стали чуть взрослее и в наших карманах завелись мелкие монеты, Двор охватило повальное увлечение играми на деньги. Но вот, странное дело, память услужливо сохранила все неазартные виды развлечений, а все названия забав меркантильного характера как-то забылись.

Помню, суть одной из игр состояла в том, чтобы разбив стопку копеек более крупной (по весу) монетой, перевернуть их с «решки» на «орла». В другой надо было, ударив монету об стенку, добиться, чтобы она упала насколько возможно ближе к уже лежащим на земле. Может быть, эта игра называ-

лась «Стеночки»? Напомните либо поправьте меня; тогда я (с указанием источника информации) обязательно включу эти названия в следующее издание...

Все мы – и пацаны, и девчонки, одинаково неплохо прыгали со скакалкой, летали с «Резинкой», ловко управлялись с битой в «Классиках», а иногда присоединялись к девочкам в «Айболите». Покорно жевали измельченную травку и виноградные листья, попивали грязноватую водичку из пузырьков, а иногда даже давались на уколы, морщась от прикосновений острых палочек. Гоняли, конечно, и в футбол, но нехватка то ли мячей, то ли игроков оставляла этот «спорт-символ» эпохи на втором плане.

Из всех зим, пережитых на Молдаванке, более я запомнил лишь две. Одну – из-за лютых морозов, вторую ввиду «многоснежья»...

С самого утра «взвод» из десяти человек начал строить крепость. В кастрюли и ведра набирался снег, утапывался, а после заливался водой. Через четверть часа «ледяные кирпичи» были готовы. Они укладывались полукругом в несколько рядов у забора, и цитадель «ощетинивалась» бойницами.

Мы поделились на две части и бросили жребий; мне довелось оказаться среди защитников. Нападающие, безусловно, имели преимущества: они не были стеснены в маневре, и в их распоряжении было больше материала для изготовления снежков.

Вскоре осажденные понесли первые потери. В частности, ваш автор, уже через пять минут после начала штурма, сидел на снегу возле забора и потирал подшибленный метким броском глаз. С целью пополнения «боезапаса» и для помощи «раненым» было заключено перемирие...

БОЛЕЗНИ

Родные рассказывали, что в первые годы жизни я много болел. Нет, не так. Можно сказать, что едва ли ни все два года, от ноля до двух, я недужил. Болел гриппом, ангиной, одно- и двусторонним воспалением легких, всевозможными простудами, корью и, кажется, «свинкой». Я (а вместе со мной, конечно же, и мать) не «вылезал» из «еврейской» больницы и, истыканный бесчисленными капельницами, напоминал подушечку для иголок. Этого, слава Богу, практически не помню.

Болел я и позднее, но все было уже по-другому. Меня не кололи, а пичкали таблетками, порошками и микстурами. Лекарства эти были настоящими – безвкусными, кислыми или горькими, не замаскированными глазурью под конфеты, но я их добросовестно глотал или разжевывал, а затем запивал чаем и закусывал малиновым вареньем. Я ел, читал книжку (а азбуке я выучился к четырем годам), дремал; словом болел в свое удовольствие.

Как вы поняли, болеть мне нравилось, особенно зимой, когда со Двора почти не слышны были крики друзей. Моей «любимой» температурой была 37,5 – она вызывала приятную слабость, но оставляла ясной голову. Особую радость доставляли мне заботливость бабушки и сознание, что я вот лежу, а мои одноклассники корпят над тетрадками.

Я жалею, что мои хвори разминулись по времени с телевизором. В 66-67-х болеть я практически перестал (видно выбрал «лимит»), и именно в эти годы в нашей семье появился телевизор. Простите за каламбур, но «Горизонт» (такая была марка телеприемника) раздвинул «мои горизонты» немалого. Из всего, что показывали в то время, мне запомнились лишь три вещи. Представьте себе, что это были не художественные фильмы, и даже не мультики, а фигурное катание, хоккей (меньше футбол) и КВН.

С фигурным катанием у меня связано не слишком приятное, но яркое воспоминание. Мы – папа, мама, бабушка и я (значит это был выходной или праздник) смотрели как-то по «телику» показательное выступление отечественной спортивной пары. И вот, где-то в середине номера, один из наших мастеров так неловко «выбросил» в прыжок свою партнершу, что она, приземляясь, рухнула на лед, как подкошенная.

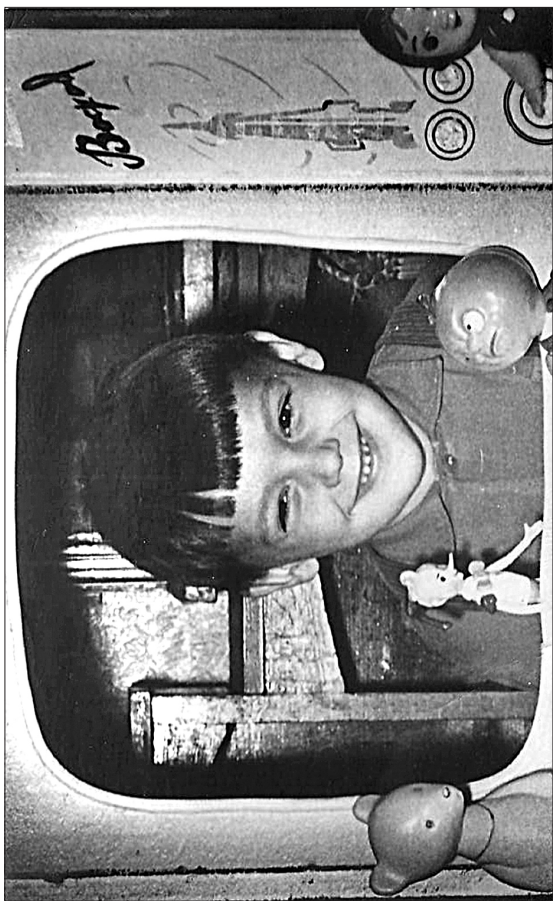
Мои поморщились, а меня почему-то разобрал

дикий смех. *«Упала на ж...!»*, – прокомментировал я, и... запнулся. В воздухе повисло тяжелое молчание, затем взрослые мрачно вышли из комнаты и устроили «консилиум». В качестве наказания мне было назначено одночасовое стояние, хоть не на коленях и не на горохе, но в углу.

Думаю, что воспитательное значение этой меры было ничтожным, а вот надо же – запомнилось! Я честно и с достоинством отстоял положенное время, пересчитывая цветочки на обоях. Мучило же меня другое – досада и сожаление о допущенной оплошности. Во Дворе мы – дети, слышали слова и покруче, но не только маты, а и «обычные» бранные слова «приносить домой» между нами было не принято.

Но более памятно мне другое наказание. Года полтора, с пяти до шести с лишком лет, меня водили в детский садик. Так вот, однажды, за какую-то провинность, воспитательница заставила меня и моего друга Алешку снять трусики, и целый час находиться в спальне у девочек...

Припоминается, что где-то к десяти годам мне решили вырезать гланды. Причем детские «эскулапы» проявили в этом с моими удивительную солидарность. С настойчивостью, достойной лучшего применения, обе заинтересованные стороны запугивали меня разнообразными непременными болячками, вплоть до летального исхода. Я не-

Я в детском саду.

доверчиво, но бледно улыбался, а когда наседали сильно, убегал. С тех пор прошло почти сорок лет, и если я когда-нибудь помру, то наверняка это произойдет в результате не удаления гланд...

Это было летом. Я забегался во Дворе; мы с друзьями переиграли во все возможные, причем самые шустрые игры. Домой пошел, когда уже стемнело; то есть, это было не ранее 10 часов. От усталости еле-еле поднялся по лестнице и буквально упал прямо на пороге. Смутно помню, как меня поднимают, несут в постель, засовывают под мышку градусник. Затем отец заворачивает «тело» в простыню, берет на руки, и бежит со мной так, что аж дух захватывает, на станцию «Скорой помощи» (она располагалась за углом, на Госпитальной). Меня чем-то накалывают, и я засыпаю. Утром я разлепляю сонные веки – у больничной кровати папа и мама. Мы медленно бредем домой. Потом мне сказали, что была такая температура, что шкала на термометре «почти закончилась».

В конце 60-х транслировались хоккейные матчи между нашими «любителями» и канадскими профессионалами. В эти часы Двор «вымирал» – взрослые и дети буквально прилипали к телевизорам. Я ужасно болел за СССР и бурно радовался нашим победам. Мне кажется, что хоккей в то время уел даже футбол.

Впрочем, футбол мы тоже смотрели, особенно

игры с участием «Черноморца». Помню одну такую – наши бились с киевским «Динамо» на своем поле. У телевизора я, мама и папа. Первые двое болеют за Одессу, а отец в пику маме делает вид, что болеет за киевлян. И надо же – «моряки» дают; 1:0 в нашу пользу! Мать торжествует, иронично поглядывая на мужа. Вдруг судья не засчитывает верный гол в ворота «Динамо» (а мы же видели – мяч пересек линию ворот!), а вот уже и 1:1. Отец злорадствует, мать хлопает дверью.

Матч мы проиграли, кажется, со счетом 1:2. Но дело не в результате, а в том, что мои отец и мать, что называется, не ладили.

Вспоминается такой случай. Мы с бабушкой спали на одной кровати в дальней комнате, родители, соответственно, в проходной. Так вот, глубокой ночью я просыпаюсь от страшного грохота. Дверь бьется о косяк и в комнату влетает... чемодан, сопровождаемый в полете маминым приглашением отцу «идти на выход». Бабушка, соответственно возрасту спавшая чутко, была, видимо, готова к такому повороту событий. Меня же полусонного, видение летающего чемодана поразило до глубины души. Теперь я понимаю, что в этом ничего удивительного не было; чемоданы, конечно же, не могли выбрасываться в общую кухню; я уже говорил вам, что квартира наша была в свое время коммунальной...

Мой отец – Всеволод Де-Рибас.

Моя мать – Галина Де-Рибас.

КВН вряд ли запомнился бы мне (взрослые шутки я еще не мог оценить по достоинству), если бы не одно обстоятельство. После своих семи лет болел я редко, но метко. Так, один из гриппов подкосил меня в момент, который мог бы стать для меня звездным. Ведь что могло быть более замечательным для обычного пацана, чем «попасть в телевизор»?

Одним зимним вечером вся наша семья собралась у «телика», кроме меня, отлеживающегося в кровати; однако и меня пристроили так, чтобы я мог видеть экран. В положенное время прозвучали знаменитые уже позывные, и пошла песня, открывающая игру. Однако температура брала свое и я «закемарил». Вдруг отец вытаскивает меня из постели, усаживает на колени. На «кавээновскую» сцену выходит... отец. Я недоуменно оборачиваюсь – как же это он там, если я сижу на нем? А «тот» мой отец держит за руку какого-то незнакомого мальчишку в костюме и при галстуке. *«Это – ты, но не ты»*, – обращается ко мне мать и смеется. Я ошарашен.

Оказывается нашей одесской команде для какого-то номера потребовались «живые» Де-Рибасы, а я едва не подвел город. Было это, где-то в 1970-м, и именно этот факт более всего удивляет меня сегодня. Ведь вытащить на «кавээновскую», а значит и на всесоюзную сцену такой социально-чуждый элемент, «екатерининского приспешника» адми-

рала де-Рибаса, пусть даже представленного потомками, выглядело по тем временам ходом, смелым во всех отношениях.

САХАЛИН

В предисловии, помнится, я обещал вам, моим гипотетическим читателям, не отлучаться со Двора. Но любое правило требует исключения, иначе просто не интересно. В этой главе я выйду за ворота, но не для того, чтобы, например, повести вас в клуб им. Иванова на детский десятикопеечный сеанс. Мы побываем там, где не были 99 человек из ста...

Мои родители поженились и произвели меня на свет, будучи еще студентами. Мама рассказывала, что жили мы бедно – на пенсию и две стипендии. Бабушка, бывало, покупала крохотный кусочек мяса и жарила восемь котлет, по две на члена семьи. Но случалось и так, что мой отец мог вернуться из института и привести к нам в гости своего друга. Гостеприимная бабушка, скрепя сердце, отдавала им на съедение половину нашего мясного запаса. То есть без своих котлет оставались хозяйки – на мне не экономили.

Но вот свой ОИИМФ закончил отец и распределился на Сахалин. А с ним, после института связи, отправилась и мама. Материально стало, надо понимать, полегче, поскольку родители высылали

Отец и мать на Сахалине.

нам в Одессу достаточное количество рублей. А еще через год они решили выписать нас с бабушкой на время к себе.

После возвращения из «самой дальней гавани Союза», я любил рассказывать своим дворовым друзьям об этом путешествии. Мы собирались за маленьким «доминошным» столиком и незаmysловатое повествование заставляло слушателей жарким одесским летом ежиться от сахалинской зимы. Как-то мои «враки» подслушала бабушка. Она засмеялась и сказала: *«Ну что ты мог запомнить в три с половиной года»*. Но я-то помнил! Если и не все, то достаточно...

Не буду утомлять вас описанием нашей поездки туда, тем более что почти ничего из нее в памяти не осталось. Кроме, пожалуй, самолета. Летели мы неправдоподобно долго. Наверное, садились, до-заправлялись и вновь взлетали, но для меня наш путь был «сплошным самолетом».

В салоне было «плотно», еще меньше было места на коленях у бабушки, поэтому она рада была отпускать меня побегать. Мне казалось, что я веселил полусонных пассажиров (это сейчас понимаю, что скорее терроризировал их) тем, что гонял по узкому проходу и распевал лишь одно слово из популярной в ту пору песни. Я поочередно останавливался у кресел и взывал: *«Яма-а-а-а-й-ка»*...

Холмск (был и есть такой город на острове) середины 60-х я запомнил как несколько десятков барачных, «рассыпанных» между сопками. В одном из таких деревянных двухэтажных домиков и жили мои родители. Отец преподавал в местной мореходке, а мать работала по специальности – инженером-связистом. Целыми днями они пропадали на работе, а дни, к слову, были короткими.

Цельной, связной картины моя детская память не сохранила. Сахалин, вообще, представляется мне документальным фильмом, склеенным из обрывков пленки...

Папин друг, моряк, подарил мне два апельсина. Один я съел на месте (это был если не первый в моей жизни апельсин, то, по крайней мере, первый запомнившийся), второй отложил про запас. Мы с отцом возвращаемся из гостей домой, а путь неблизкий, да еще вверх по сопке. Поднялись до середины, я сижу на санках, и держу ароматный плод в руках. Вдруг сани спотыкаются о кочку, апельсин выпрыгивает из рук и, всё ускоряясь, катится вниз. Я спрыгиваю, бегу за ним, но догоняю, конечно, уже у подножия сопки. «Запаханный», возвращаясь на место происхождения. Мы вновь едем, вдруг отец хитро оглядывается на меня. Я понимаю его с полу-взгляда, и ослабляю хватку. Отец дергает санки, апельсин вновь вываливается и «бежит» знакомым маршрутом, а следом – я...

На острове мы оставались долго, до весны. Я, наверное, ужасно надоел бабушке, вынужденной сидеть со мной весь день, и в основном дома. Поэтому меня решили отдать в садик; впрочем, в него я ходил недолго. Неделью подряд меня усаживали в санки и везли «за тридевять сопок». (Вы, конечно, уже поняли, что санки на Сахалине «не роскошь», а обычное, хоть и детское, средство передвижения). Но спускать меня с горы было трудно, на скользком снегу удержать салазки, стремящиеся вниз, просто невозможно. Выходили из этого положения просто. Меня крепко привязывали к спинке и сталкивали. Со свистом пролетая метров триста, я, как правило, переворачивался у подножия и беспомощно лежал, дожидаясь моего сопровождающего.

Сахалинский садик вижу, как в тумане. В один из дней я забрел в зал старшей группы и увидел нарисованную на полу громадную шахматную доску. Сами же фигуры поразили меня. Они были деревянными, в мой рост, и я сумел передвинуть пешку, лишь приложив всю свою силу. Может быть, именно оттуда произошло мое непреходящее увлечение шахматами?..

Об этом случае мне напомнила мать, но я все же включу его в свои воспоминания, потому что на дне моего сознания живет следующая картина. Я сижу в яме, но не в темной, а в светлой. Подо мной, вокруг меня и даже над головой только снег. Мне

страшно, но я не могу даже крикнуть. Мне холодно, потом становится теплее. А дальше лицо бабушки, склоненное над моей подушкой... Отец откопал меня из сугроба лишь через час, а сугроб-то был в двадцати метрах от нашего дома. До того момента как я бы замерз и «заснул» оставались считанные минуты...

Еще Сахалин запомнился мне... едой. Я ел колбасу двух видов: «Докторскую» (а может быть «Отдельную») и «Ветчинно-рубленную». Бабушка укладывала колбасный «пласт» на хлеб, тонко намазанный горчицей, а потом разрезала бутерброд на маленькие квадратики. Получалось 10-12 бутербродиков; только так можно было заставить меня питаться. Мне кажется, я не кушал ничего, кроме колбасы и морской капусты; ее, тонко нарезанную и сдобренную подсолнечным маслом, потреблял килограммами. В местном магазине не могла «не водиться» красная рыба и икра, но эти морепродукты не оставили следа в моем желудке, а стало быть, и в памяти.

На «большую землю» мы должны были плыть на небольшом пароме. Но едва лишь берег скрылся из виду, как меня начало «выворачивать». Отец, у которого было много связей в местных морских кругах, срочно вызвал катер. Нас сняли с борта, а паром пошел дальше. Честное слово, не помню, как же меня переправили на материк? Может быть

ночью, спящего? А дальше был длинный, в смысле времени, поезд. Потом, кажется, Москва, а затем...

Все, мы дома!

ТИПЫ

Здесь я опишу наиболее примечательных обитателей нашего Двора, которых безжалостное время и теперь, спустя десятилетия, не вытравило из моей памяти.

Такое мрачное предисловие не означает, впрочем, что многие из моих современников не здравствуют сегодня. Но они разными путями ушли со Двора, и сегодня их, изменившихся и, конечно, постаревших, уже потерявших тот флер, которым они были окутаны в моем детстве, я принять не готов.

Вот, например, Додик. Я надеюсь, что он никогда не прочитает написанное, поскольку служит в другом городе, но если эти строки и попадутся ему на глаза, то он, уверен, не обидится.

Додик – высокий, худой и кучерявый брюнет был (впрочем, остается и сейчас) старше меня года на три; он ровесник моего брата Игоря, и наравне с ним являлся моим хорошим другом. Помнится, он неплохо играл в футбол и участвовал во всех наших забавах. Потом в одночасье влюбился в Наташу, посерьезнел, а там уже «на носу» у него замаячило окончание школы. Завершив учебу с отличными от-

метками, он вознамерился поступать в престижное тогда артиллеристское училище. И тут-то мы узнали, что по-настоящему нашего товарища зовут Давид, и что он, удивительное дело, еврей!

Для нас это знание было лишним, никчемным. И если бы не «дворовые», подсмеивавшиеся над Додей – будущим генералом советской армии, мы никогда бы не задумались над его национальной принадлежностью.

Но невероятное по тем временам чудо свершилось. Однажды осенью я увидел Додика, входящим во Двор в новенькой армейской форме. С тех пор о Давиде говорили у нас не иначе, как об «образцово-показательном» еврее, которого и взяли-то в военные лишь для того, чтобы рекламировать лояльность и неподвзятость советской власти...

Вскоре я оставил Двор. А лет пятнадцать тому, когда потягивал пиво в палисаднике у Толика, приятеля отца, в калитку пружинисто вошел коротко стриженный мужчина в усах. Давид (а это был он) вежливо поздоровался. Процесс «вторичного знакомства» совершился быстро, и уже спустя несколько минут мы оживленно болтали, предаваясь воспоминаниям.

Так вот, как узнал я, Додик служит в Запорожье, он уже подполковник, собирался баллотировался в депутаты горсовета и, помня его целеустремленный характер, я уверен – он прошел. Ныне он, веро-

Сверху вниз – Додик, Игорь и я.

ятно, полковник, а может быть и генерал, хоть и не советский, но украинский. То есть, в каждой шутке есть только доля шутки...

Из наших евреев мне также запомнилась Маня, которая, по ее же словам, была подвержена целому «букету» болезней. Полная и одутловатая, с красноватым лицом, постоянно носившим обиженную гримасу, но тихая и добрая – во Дворе ее считали чокнутой. Была Маня, однако, дамой далеко не старой, но какой бы возраст она себе не определила, все равно выглядела бы значительно старше своих лет. Маня нигде и, кажется, никогда не работала. Жила она тем, что оказывала мелкие услуги за такую же небольшую плату. Она выносила в утильсырьё старые вещи, сдавала бутылки и бегала за покупками в магазин, за что взимала не более 10-15 копеек.

Маня часто заходила к нам – едва ли не каждый день. Бабушка ее жалела, всегда прибегала к ее помощи, даже когда в таковой не особенно нуждалась, и приплачивала ей чуть больше других. Но внезапно визиты прекратились: Маня, оставив Двор, Одессу и даже СССР, выехала в Израиль к родственникам. А через несколько лет к нам дошли слухи, что «полусумасшедшая» землячка полностью излечилась (если только вообще была больна!), вышла замуж за молодого парня и, кажется, разбогатела. То есть, оказалась если не умнее, то удачливее многих «дворян».

В начале семидесятых годов Двор лишился многих жителей. В «землю обетованную» уехали мой друг и тезка Олег, естественно с семьей, тетя Бэба с дочерьми: толстенькой, некрасивой Ритой и симпатичной Таней.

Их квартиры тотчас же заселялись «новыми» одесситами – шумными, многодетными, с какими-то чумазыми отпрысками, которые так и не стали нашими друзьями. С появлением этих семей целые куски Двора стали для нас «закрытой территорией», усиленно началась перестройка, тут и там выросли деревянные заборчики палисадников.

И мне кажется, что, только прожив некоторое время с новыми соседями, мы по-настоящему ощутили «национальную недостаточность». Вместе с нашими евреями из Двора во многом ушла добропорядочность...

В закоулке, прямо на выходе из «Позакружки», проживала Сталина. (Ныне она перебралась в более престижную часть Двора, родила дочь, и предпочитает называть себя Стэллой). Она была, как бы, моей нянькой. Когда я окончательно «доставал» бабушку, та вызывала Сталину и отправляла нас в парк Шевченко, на «Ланжерон». Я не слишком помню, как проходили эти вылазки (разве что не забыл беготню по парапету, нависавшему над обрывом к морю), но к няньке у меня осталось солнечное чувство тепла и благодарности.

Туся жила в глубине Двора. Ее палисадник был одним из любимых мест наших игр. В построенную Тусей «халабуду» (несколько старых покрывал, развешанных на веревках над поломанной кроватью) мы набивались пачками, превышающими «полезный объем», так что из «помещения» обязательно выглядывало несколько ног, а то и голов.

Наша старшая подружка была крупной и рыхловатой, обычно веселой, но со странностями. Они в полной мере проявились с периодом ее «возмужания». В одно прекрасное утро она потребовала, чтобы ее называли исключительно Таней, а тех, кто по многолетней привычке обзывал ее предыдущим прозвищем, лупила и прогоняла. Потихоньку тропы в ее палисадник заросла, а еще через несколько лет Таня-Туся наложила на себя руки. Она наелась каких-то таблеток, а откачать ее не удалось...

Наряду с так сказать, постоянными обитателями, Двор был посещаем и другими «типами», причем в разных смыслах этого слова.

Позитивные воспоминания у меня связаны с точильщиком – плотным человеком в годах, всегда абсолютно трезвым. Два раза в месяц он деловито проходил к середине Двора, сбрасывал со спины станок, переделанный, кажется, из ножной швейной машинки, и неожиданно тонким для его конституции голосом пищал: *«Ножи, ножницы точу!»*. Вокруг него сразу собиралась «колюще-режущая»

очередь, а в ней и я. Работал мастер споро, без глупых прибауток. Молчали и его клиенты, заморожено глядевшие на густой сноп рыжих искр...

Кого мы не любили, так это стекольщика. Всегда подшофе, с красными слезящимися глазками и с ящиком стекла на плече, он «прокрадывался» во Двор и наметанным взглядом окидывал окна. Заметив разбитое либо треснувшее стекло, оставался и дышал-хрипел прямо в форточки: *«Стекла вставлять!»*. Мне кажется, все жители разделяли нашу детскую неприязнь; я не припомню, чтобы здесь он получил хотя бы один заказ. За ним всегда семенил его сын – мелкий и чернявый жуликоватый мальчишка. Рассказывали, что отец ночами посылал его бить стекла, чтобы обеспечить «фронт работ»; впрочем, «вредитель» ни разу так и не был пойман.

У нас проживало немало «выпивох». Но это были особенные типажи – «пьяницы в законе». В выходные дни на стол демонстративно выставлялись легальная, т.е. согласованная бутылка и нехитрая закусь. Распивалось и поедалось все это под присмотром то и дело выглядывающих жен, потерявших бдительность ввиду открытости происходящего. Первую поллитровку незаметно сменяла вторая, третья. Заканчивалось же «народное гулянье» чередой привычных, ленивых семейных скандалов.

В мою бытность у нас не было ни одного наркомана, представители этого «племени» завелись во Дворе гораздо позднее. И в этом смысле, не ратуя за «возлияние» как таковое и не идеализируя этот порок, заявляю, что без раздумий обменял бы одного нынешнего наркомана на полусотню «добрых старых» пьяниц.

ДЕВОЧКИ

Девочки мне нравились всегда. Наверное, с тех пор, как я научился отличать их от мальчиков.

Первая пассия у меня появилась еще в детском садике. Она дружила с девочкой, которая, в свою очередь, нравилась моему приятелю Алеше. Когда нашу группу выводили в скверик, мы с Алешей усаживались на отдельную скамейку и исподтишка подглядывали за «своими».

Тут же рождались планы, «реальные», тщательно продуманные. Вот, например, один из таких. Алешка берет у папы машину (тот водил грузовик-«будку»), а я «одалживаю» у бабушки ее золотую брошь. Мы привязываем к украшению длинную веревку, кладем его на видное место и прячемся в кузове. Девочки видят брошь и хотят ее поднять. Между тем, мы подтягиваем веревку, наши «любимые», догоняя приманку, приближаются к машине, залезают в будку. Дверь захлопы-

вается, и мы их увозим. Куда, зачем?..

Из «дворовых» красавиц мне нравились трое. Ровесницы между собой, они «обогнали» меня года на два.

У Лены были великолепные ноги – длинные, крепкие, очень развитые, именно такие мне нравятся до сих пор. Она прекрасно осознавала их привлекательность и всегда ходила в микроскопической юбке.

Наташа выделялась милым лицом, да и вся она была хороша. Худенькая стройная брюнетка, слегка растерянные глаза в пушистых ресницах. Она чувствовала свою тайную власть надо мной. При встрече, бывало, посмотрит ласково, но как на цыпленка, взъерошит мои волосы. Я млел от счастья. Потом Наташа стала «ходить» с Додиком; я видел – они целовались.

Таня, та, что потом уехала в Израиль, была, что ли, «сбалансированной». Складная, приятная, она стала для меня любовью «второго плана», таким «запасным вариантом», когда во Дворе не белели ноги Лены и не цокали каблочки Наташи.

Увлечения мои оставались, конечно, платоническими, но в них присутствовал все же элемент донжуанства и, если хотите, «казановства». Однако во Дворе мне так и не удалось реализовать стремление не только обозревать, но и осязать, ощущать. А потому, если бы я, вопреки обещанию, один

разочек «отпустил» бы себя в школу (а она находилась недалеко, в начале Болгарской), то рассказал бы вам о Вале или о Даше, а то и про них обеих...

В первом классе я сидел за партой не помню с кем, наверное, с мальчиком. Но я страстно стремился подсесть к Вале, Валечке Бернат. Добился я этой пересадки лишь через год, и следующие два наслаждался обществом соседки. У «моей» Вали были очень красивые, «трогательные» коленки, выглядывающие чуть-чуть из под школьной юбки. Помню, что трогал я их с огромным наслаждением под тем предлогом, что ноги под партой следует держать прямо. Валечка не противилась.

Вскоре одноклассница перебралась жить на поселок Таирова, а еще через два года я случайно встретил ее в клубе Иванова. В окружении стайки девочек, Валя в светлых брюках, кофточке и изящных туфельках на высоком каблуке вплыла в зал белым лебедем. Вытянувшаяся и округлившаяся где положено, она уже ничем не напоминала ту милую «серую шейку», делившую некогда парту с глупым «селезнем».

Всю «кинушку», а это был замечательный «Айболит-66» – частый гость детских сеансов, я, чтобы не быть замеченным, просидел, уткнув голову в свои потертые шорты. Мне было стыдно своей невзрачности и горько от окончательной потери...

На парте передо мной сидела Даша. Была она крупная, немного «мальчишкоподобная» и ее полный усидчивый затылок, хотя и постоянно склоненный к парте, неплохо закрывал меня от учительского стола.

Думаю, что я ей нравился. Был я мелкий, но юркий, и не то чтобы любил драться, но мог за себя постоять – «сдачи давал» всегда. Кроме того, был ужасно начитанным и до 4-го класса – круглым отличником. Ну, как тут не понравиться... Даше! Она меня как бы опекала; передавала учителю мой дневник и тетрадки, чинила мне карандаши и даже пыталась подкармливать сдобными пятикопеечными булочками (нам их вместе со стаканом молока давали на самой большой перемене). Впрочем, булочки ее я брал редко.

В первом классе мы писали деревянными ручками со сменными перьями, а моя чернильница-«невыливайка» не оправдывала своего названия, оставляя на дне моего дерматинового ранца несмываемые фиолетовые разводы. Затем мне подарили ручку с «золотым» пером, «последний писк» школьной моды, с вывинчивающимся поршеньком для заправки.

Однажды, раскладывая на парте принадлежности для первого урока, я обнаружил, что чернила в ручке закончились, а пузырек я, конечно же, забыл дома. И тут-то на помощь мне пришла постоянная

«палочка-выручалочка» Даша. Она окунула мою ручку в свою бутылочку и...

Сама заправка по-хорошему продолжалась полминуты, но эти мгновения растянулись в вечность. Я впал в состояние неизведанной мною ранее эйфории. Я полюбил, заобожал некрасивую Дашу, в эти секунды она затмила Валю и всех дворовых прелестниц. Никогда более в своей жизни я не испытывал подобного...

ПОТОМ

Кусочки воспоминаний. У меня нет намерения «слепить» из них целое. Они возникают и вскоре угасают. Так пропадает очень многое из того, что накатило внезапно, а я не успел записать. Велика ли потеря?

И, странное дело, когда напрягаешь память с целью вызвать эпизоды веселые, в голову лезут всякие «грустности»; они более «липучие», что ли?..

Наш кот Мурзик пропал. Он не появлялся домой уже три дня и его никто не видел во Дворе.

Этим вечером мы с мамой вышли искать его на улицу и безрезультатно «прокискали» около часа. И тут мама мне сказала: *«Знаешь, а твой папа нас бросил»*... Я плачу. Мне жалко себя, кота, маму.

А вскоре мне рассказали, что Мурзика раздавила машина...

Моя бабушка Аня перенесла инсульт, и ее парализовало. Мы сменяли наши две квартиры на одну и перебрались на Черемушки. Затем, в силу разных причин, я поменял еще несколько адресов.

Вначале я часто заходил во Двор, потом реже, а затем и вовсе раз в год. Это бывало, когда из Риги в Одессу на несколько летних дней приезжал отец. Его пребывание всегда проходило по одному сценарию. В первый вечер – «генеральная» пьянка для друзей и знакомых, причем прибалтийский «гость» был не самым активным ее участником. Следующие дни были посвящены пляжу, обязательной морской рыбалке, походу на Таировское, к могиле бабушки Муси, визитам к товарищам. Заканчивалась программа многолюдной отходной.

Отца всегда тянуло в Одессу. Как-то в один из годов он не смог вырваться и очень переживал по этому поводу. Его жена Инара сказала мне по телефону, что, возможно, именно на этой почве у Данилыча случился микроинфаркт.

Я всегда провожал его с вокзала. Обычно помогал ему занести вещи и сумку с подарочными фруктами прямо в купе и, не ожидая отправления, уходил.

Но в тот раз все было не так. Отец порывался отложить день отъезда, на перроне долго не хотел

меня отпускать, и вошел в вагон лишь тогда, когда состав чуть ли не тронулся.

Мне и в голову не могло прийти, что я вижу отца последний раз, а он, он, наверное, чувствовал это...

Сороковины по отцу мы с матерью устроили во Дворе, в палисаднике Толика. Его жена Фаина помогла нам собрать на стол. Пришли приятели покойного: Олег, Валентины – Стоцкий и Притульский, Валера «Муныш», два не очень знакомых мне старика и постоянная участница всех застолий баба Лена.

Мама никогда особо не праздновала Двор, с которым у нее было связано много разных воспоминаний. Она не появлялась здесь четверть века. А потому за столом то и дело звучало: *«Галочка, а помнишь...»*. Мама что-то рассеянно отвечала.

Затем были, конечно, хвалебные речи: думаю, искренние – Севку во Дворе любили и уважали. Но лезли и дежурные, приличествующие случаю слова, предвоявшие очередную рюмку.

Кому-то уже «не шло», кто-то уже ушел. Баба Лена, ни разу не пропустившая, упала с табурета, и ее пришлось отнести домой на руках.

Мы уходили со Двора поздно. Дорогой мама плакала и говорила: *«Боже, какие они все старые»...*

Одесса, 2008 год

СОДЕРЖАНИЕ

Двор.....	4
«Позакружка»	9
Подвал	12
Зелень	19
Живность	22
«Оружие»	28
Парадная	32
Квартира	39
Еда.....	51
Игры.....	59
Болезни.....	66
Сахалин	75
Типы	81
Девочки.....	88
Потом	92

